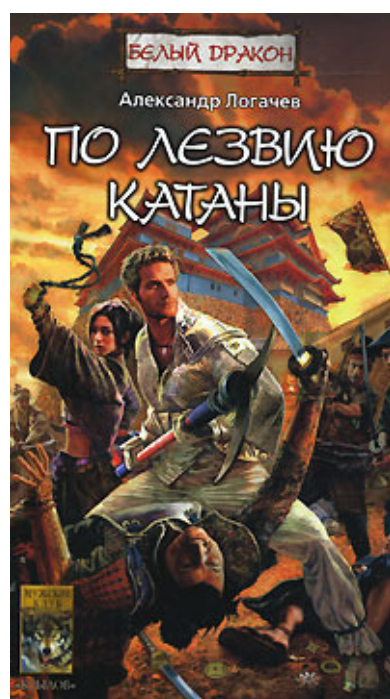

Александр Логачев
По лезвию катаны
Серия «Белый дракон», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131002
Белый Дракон. По лезвию катаны: Издательство «Крылов»; Санкт-Петербург; 2006
ISBN 5-9717-0069-3

Аннотация

В какие только края не закидывала кочевая судьба Артема Топильского. Но на сей раз судьба явно перестаралась – цирковой артист очутился в средневековой Японии. Не очень-то его там, оказывается, и ждали! В военно-феодальной Японии вообще нет места чужакам. А что вы хотите? Япония живет почти в полной изоляции от внешнего мира. Бесконечная борьба самурайских родов за власть, земли и привилегии. Строгое кастовое деление общества и при этом сложнейшее переплетение разных ветвей власти. Суровые, жестокие нравы. И какой прием может ожидать незваного гостя? Да голову с плеч, вот и весь прием.

Но не тот человек Артем, чтобы покорно подставить шею под меч. Скорее он, прирожденный воздушный гимнаст, попытается пройти по лезвию катаны...

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Логачев

Белый Дракон

По лезвию катаны

Справедливость, доведенная до излишка, исчезает в жестокости; милосердие, снисходительное сверх меры, тонет в слабости.

Мазамюне

Часть первая

КУВЫРОК НАЗАД

Глава первая

ПАРАД-АЛЛЕ

Китайская Народная Республика, город Шанхай, наше время.

Представление началось без опоздания и прочих малосимпатичных неожиданностей. Сперва по внутренней трансляции объявили «творческую готовность номер один», потом к публике вышел маэстро анонсер и, стоя посреди арены в круге света, раскатисто объявил в микрофон: «Пр-р-ред-ставление начинается!!!», оркестр вжарил во всю духовую медь цирковой марш и, как говорится, п-а-ашел черт по бочкам. Начали.

Артем в парадном выходе был не задействован. А кабы и был задействован, то на сей раз параду-алле все равно пришлось бы обойтись без него. Какой к лешему парад, какое к дьяволу «алле», когда на кону стоит судьба всего цирка.

Истина открылась, как оно обычно и бывает, внезапно – будто кто сзади кирпичом по темени шархнул. И случилось это при следующих обстоятельствах. Задетая локтем, скатилась по столу катушка черных ниток, упала на пол. Артем нагнулся за ней, увидел в углу гримерной лохматые заросли паутины, паука, деловито снующего меж черными точками засохших мух... и застыл в неудобной позе, потому что какая-то мысль вдруг стала пробиваться наружу с настойчивостью цыпленка, долбящего клювом скорлупу. Взгляд накрепко, как крючок за корягу, зацепился за паучье хозяйство. Наконец скорлупа треснула – мысль вылупилась, снизошло озарение.

– Муха с бляхой, и как я раньше не дотумкал?! – выпрямившись, спросил Артем у своего отражения в зеркале. И постучал себя кулаком по лбу, как бы в наказание за недогадливость. Однако, как известно даже даунам, лучше поздно, чем никогда.

Все то, о чем он напряженно размышлял на протяжении последних недель, получило наконец простое, внятное и единственно верное объяснение. Кусочки мозаики сложились в целостную картину. Обрывки разговоров, обмолвки выпивших коллег, печальная история коверного Жоры Астахова, полная загадок и вопросов смерть в автокатастрофе жонглера Тофика Гажиматова, визит следователя ФСБ, с каждым днем все более нарастающее в цирке напряжение, инфаркт администратора Погребельского, необычно тщательный досмотр на китайской таможне, которым руководили люди из Интерпола, наконец таинственное исчезновение канатоходца Ипатова – все состыковалось. И теперь, после того как он понял, что

же собственно происходит и к кому ведут все нити, Артему приходилось лишь удивляться прежней своей слепоте и недогадливости.

Все, больше он ждать не мог. Он должен был немедленно убедиться в собственной правоте. Или же... в неправоте. Артем выскочил из гримерки, как из горящего дома, так и не закончив переодеваться к номеру.

В коридоре царила обычная для представлений суеда. Кто-то куда-то пробежал с выпученными глазами, кто-то кого-то разыскивал, хватая за руки всех подряд «не видели случайно?», у пожарного щита кто-то чиховстил «раздолбаев-механиков», на этот раз отличившихся тем, что забыли зарядить аккумуляторы кара из номера «Собачий поезд». В небольшом закутке, забросив ноги на холодные батареи, растягивали мышцы сестры Маша и Галя из номера «Чудеса на брусках», здесь же кто-то из черноусых джигитов Арчила Гвазава, сидя на пожарном ящике с песком и раздраженно цокая языком, чинил ножны бутфорского кинжала.

Артем прижался к стене, пропуская униформистов, которые катили к выходу на арену «Царь-пушку» – реквизит к номеру иллюзиониста Харламова, известного по афишам как факир Исаак Тордон. Пушка стреляла конфетти и необходима была лишь для отвлечения зрительского внимания. Артему эта пушка была хорошо знакома, потому что ему доводилось, и не единожды, подменять запойного харламовского ассистента. Охо-хо, кого только Артем не подменял за свою цирковую жизнь! Вот разве что в звериные шкуры не переодевался. Но все еще впереди...

С арены доносилась бравурная музыка, сопровождаемая хлопками в ладоши, – то китайские зрители дружно подхватили и добросовестно отбивали музыкальный ритм... А эт-то что еще за уши?

– Кыс, кыс! – позвал Артем.

Из-за груды пестро раскрашенных дюралевых цилиндров высунулась откормленная кошачья морда.

– Филька! – узнал Артем.

Ну еще бы не узнать, когда цирк тебе – дом родной. Если вырос при цирке, волей-неволей познакомишься со всем звериным поголовьем, даже всех многочисленных кошек клоуна Хухлачева научишься различать по хитрым усатым мордам. Более того – будешь в курсе особенности их характеров. Скажем, вот этот вот толстый, черно-белый котяра по кличке Филька отличается редкостной обидчивостью. Чуть что не по нему, котяра убегает от Хухлачева, шатается где вздумается, прогуливая выступления на арене. Однако Хухлачев прощает любимчику все его выходки. Похоже, слинял котяра и сегодня, в очередной раз на что-то обидевшись. Может быть, на то, что его покормили не первым из котов.

– Опять свинтил, подлец? – подмигнул зверюге Артем. – Ну, будет тебе сегодня!

Кот в ответ зевнул во всю пасть, мол, шел бы ты своей дорогой, двуногий и бесхвостый, и вновь спрятался за цилиндры.

Уйти своей дорогой Артему удалось, лишь когда униформисты наконец провезли мимо него свою бесконечную пушку.

– Эй, Темыч! – окликнули его из курилки. – Заворачивай к нам, новость расскажем!

Курилка располагалась возле прохода к клеткам, и здесь причудливо перемешивались запахи табака и зверинца. Сейчас в курилке дымили жонглеры-эксцентрики братья Безруцкие, дрессировщик тигров Михалыч, кто-то из конюхов и метательница кинжалов Матильда Гримальди. Окликнула его как раз Матильда.

– Некогда, Маша! – бросил Артем, приветственно махнув рукой. – После загляну!

Неизвестно, какую новость собирались ему сообщить, но уж точно куда ей до той, какую мог бы сам Артем рассказать курильщикам. «А ведь кто-то из дрессуры или из тех, кто кормит зверей, обязательно должны быть замазаны, – пришло в голову Артему. – Между

прочим, та же Матильда в последнее время слишком сблизилась с тигровиком Михалычем и под этим предлогом слишком часто стала бывать в зверинце, и время их сближения как раз совпадает с началом всех бед и странностей, обрушившихся на родной цирк. И не оттого ли Матильда заигрывает со мной, что ей поручили разузнать, как много мне известно и отчего я проявляю такой пристальный интерес ко всей этой истории?» Впрочем, сейчас не до подобных мелочей. Оставим, оставим. Сейчас надо нанести удар в самое черное сердце, раздавить паука, засевшего в центре паутины.

Артем вышел во двор, заставленный трейлерами и легковыми машинами. Двинулся узкими проходами между выстроившимся в ряды цирковым автотранспортом. Остановился возле фургона с нарисованными на нем цветными шарами, которые держит за веревочки огненно-рыжий клоун. Под подошвами кроссовок проскрипели три металлические ступени лесенки. Артем взялся за ручку, потянул дверь – та была не заперта. В мозгу огнями над темной ареной вспыхнула мысль: «А все-таки хорошо будет, если я ошибся. И просто здорово – если вообще никто из цирковых не причастен». С этой мыслью Артем шагнул внутрь и закрыл за собою дверь.

В вагончике солировал запах грима, забивая все прочие запахи. Зураб Червиченко, фигурирующий на цирковых афишах под сценическим именем «клоун Батон», сидел перед зеркалом. Коверный уже был в клоунском костюме (в широких желтых штанах с одной помощью, зеленой рубашке и в длинных башмаках с загнутыми носками), он гримировался. Как раз прилаживал на голову лохматый рыжий парик.

– Иду, иду! – не оборачиваясь, прокричал Зураб.

– Не спеши, – Артем захлопнул крышку ящика с реквизитом, стоящего рядом с входом. – Сперва требуется как следует поговорить.

Вот сейчас коверный обернулся:

– Ты что, Тема? Очумел? Мой выход через четыре номера.

– Это целых полчаса. – Артем сел на ящик с реквизитом. – Нам хватит.

– На что хватит? – Коверный пристально смотрел на Артема, накручивая на палец резиночку, на конце которой болтался бутафорский красный нос.

– На то, чтобы ты ответил мне на несколько вопросов.

На миг в глазах коверного мелькнуло понимание... которому неоткуда было бы взяться, будь Зураб Червиченко не причастен к преступлениям последних недель... Или Артему все-таки почудилось? Изобразил же Зураб удивление. Мол, что это на тебя нашло, дорогой, ничего не понимаю.

– Ну тогда спрашивай, спрашивай, Тема, – коверный вновь повернулся к зеркалу. – Долго играешь вступление. Как гастролер, у которого в запасе всего один трюк и вокруг него надо наvertеть побольше мишуры.

Зураб вдруг заговорил дурашливым крикливым голосом:

– Здравствуй, Бим! Здравствуй, Бом! Ты почему такой грустный, Бом?

– Потому что посадить могут, – сказал Артем. – Причем надолго.

– Кого посадить?

– Тебя.

– Что ты несешь, акробат? На репетиции приземлился на голову? – коверный раздраженно бросил тубик с клеем на заставленный театральной косметикой стол.

«Если я все же ошибаюсь, то, значит, на пустом месте заработаю личного врага, – с тоской подумал Артем. – И вряд ли когда-нибудь удастся помириться». А произнес он другое:

– Зураб, Зураб, ты же видишь, что я не шучу. Неужели я стал бы жонглировать подобными словами, не имея доказательств. Ты т а к думаешь?

– Доказательств чему или чего? Нет, ты точно головушку повредил. И теперь тебе мерещится, что ты Холмс и Ватсон под одним цилиндром. – Разговаривая, Зураб Червиченко не

прекращал готовиться к номеру. Закончил с париком, надел красный нос-картошку и теперь закрашивал белым гримом резинку.

– Я говорю о доказательствах против тебя, клоун. И против твоих поделщиков. Ты хочешь знать, что мне известно? Изволь.

Артем взял в руки длиннющий карандаш с надписью «Батон», принялся вертеть в пальцах. Эти карандаши, которые коверный на представлениях бросал публике, валялись по всему вагончику.

– Ты занимаешься торговлей дикими животными, Зураб. – Карандаш нарисовал в воздухе решетку. – Многим простым гражданам невдомек, что это весьма прибыльный бизнес. И я, признаться, до того, как не вник в проблему, считал его не шибко серьезным по преступным меркам. А оказалось, что он лишь немногим уступает по доходности торговле наркотиками и оружием. И ты в этой схеме обеспечиваешь провоз животных через границу. Что ж, с провозом, признаю, придумано неплохо.

Артем направил заостренный конец карандаша на Зураба.

– Второе дно у клеток с крупными хищниками – тема старая. Но пограницы ее держат в голове. Выученных на наркоте собачек заведут в трейлер, попросят вывести из клетки выбранного наугад тигра или медведя, все простучат, а если обуюет подозрительность, вскроют пол клетки на предмет выявления сокрытия. И ничего не найдут. Порубежникам и в голову не приходит, что все гораздо проще. Что запрещенное и неположенное везут в открытую. Ведь по головам на таможне цирковых животных никто не считает. Во-первых, пограницам с кочующим цирком и без того хватает мороки. Во-вторых, просто как-то в голову никому не приходит, что циркачи прихватывают с собой запрещенную скотину, ведь по идее тогда в стоворе должно состоять полцирка. Однако в том-то и дело, что достаточно заполучить в поделщики всего лишь одного дрессировщика или одного зрителя за клетками. То есть того, кто сопровождает перевозку животных. Ну, и еще взять в долю шофера, что проще простого.

Карандаш нарисовал в воздухе воображаемое колесо.

– Думаю, операция по разгрузке провезенного товара происходит следующим образом. Трейлер просто отстает от колонны под предлогом поломки, и его разгружают на трассе. Или живую контрабанду изымают на стоянке трейлеров... Но и это всего лишь половина вашего контрабандного промысла. А то и меньшая его часть. Другая часть – это в прямом смысле часть. Или, вернее, части животных.

Артем взмахнул карандашом, как разделочным ножом.

– В холодильных установках везут мясо для крупных хищников. Разделенное на порции и упакованное в пленку. Только мясо мясу рознь, не все то мясо, что краснеет под пленкой, и не все предназначено для четвероногих хищников. Кое-что предназначено на продажу хищникам о двух ногах. Не подскажешь, что пользуется особым спросом у китайских лекаришек: печень медведя, сало барсука, волчье сердце и волчья кровь, рысиные мозги, медвежья желчь или что-то еще, о чем я даже и не подозреваю? Вот бы показательно разделать всю эту сволочь, которая занимается отловом и разделкой животных! Согласен со мной? Кстати, сильнее всего я удивляюсь, как вообще еще что-то уцелело в российских лесах. Вроде уж бьют, бьют зверюг почем зря, травят, гонят, вырубают леса...

– Хорошо сочиняешь, акробат, – перебил Артема коверный. – Тебе бы репризы придумывать, а не под куполом кувыряться. Значит, цирк, согласно твоим сказкам, втемную используют в качестве криминального каравана, а я у тебя получаюсь таким профессором Мориарти циркового мира? Да-а, бред отчаянный. Но ведь это не просто бред, акробат. Это обвинение. И если ты не сумеешь его доказать, то попадешь в весьма щекотливую ситуацию. За пустые, но обидные слова надо отвечать.

Зураб закурил. Курящий клоун представляет собой странное зрелище, того и жди, что он вдохнет табачный дым, а выдохнет ворох радужных мыльных пузырей или выкинет что-нибудь почище.

– Так я жду. Где же твои доказательства, акробат? – ехидно спросил Червиченко. – Предъяви! Вытащи из шляпы, достань из рукава, сотки из воздуха. Ну, где?

– В Караганде. На кой, скажи, мне нужно предъявлять доказательства т е б е? Когда понадобится, я предъявлю их органам соответствующей компетенции. Вот перед ними я и буду держать ответ за свои слова. Но! – Артем поднял карандаш вверх. – Единственно в знак уважения к твоим заслугам на арене, могу объяснить, что заставило меня обратить внимание на твою скромную персону. Во-первых, совпадение по срокам. Мне удалось датировать начало первых перевозок. Они начались через три месяца после того, как ты устроился к нам на работу. Вполне подходящий срок для того, чтобы все как следует организовать, отладить и запустить механизм.

Артем постукивал тупым концом карандаша по колену.

– Теперь во-вторых. Напомнить, где ты работал до нашего цирка? Веселил едоков с эстрады в московском ресторане «Вишни дяди Вани». А там собирается вполне определенная публика. И кто-то из этой публики сделал тебе предложение, от которого ты не смог отказаться. Этот же благодетель пристроил тебя на работу в наш цирк. Для чего, правда, потребовалось освободить местечко, то есть удалить из цирка прежнего клоуна. И, согласись, как-то уж очень вовремя бывший коверный Жора Астахов отравился метиловым спиртом. Конечно, Жора любил заложить за воротник, был не слишком разборчив в напитках и теоретически мог хлебнуть не того. Однако это ведь теоретически...

Взяв двумя руками за оба конца, Артем резким, злым движением сломал карандаш об колено и бросил половины за спину.

– Впрочем, справедливости ради скажу, что коверный ты не хуже Жоры. Может, даже лучше.

– Ну спасибо, спасибо... – Коверный загасил окуроч в пепельнице. – Что же мне теперь делать, горемычному?

И Зураб скорчил плаксивую рожу, потом незаметно нажал на «грушу» с водой, спрятанную в рукаве, и из подведенных к бровям трубок фонтанчиками брызнули клоунские слезы.

– Харэ скоморошничать, – поморщился Артем. – Я пришел к тебе не только порадовать, что мне известно все. Главное в другом. В том, что я, – следующую фразу Артем проговорил четко и раздельно, – готов ни с кем своими догадками не делиться. Готов оставить их при себе. Естественно, при соблюдении некоторых условий. Даже всего одного-единственного условия. Ты убираешься из нашего цирка, забираешь с собой подельников, сворачиваешь здесь все дела. Выглядеть это будет так. Мы возвращаемся из Китая, ты пишешь по собственному желанию, то же самое делают твои подельники. К тому же отсюда, из Китая, ты ничего не везешь, ссылаясь перед своими боссами на то, что Интерпол сел на пятки. Только не говори мне, что вы не прихватываете обратный груз. Может, те же готовые препараты, может, еще что-то. И еще не говори мне, что нельзя отменить перевозку. У вас же наверняка предусмотрен вариант, при котором можно все отменить. И заметь, выбора у тебя никакого. Продолжать крутить дела в нашем цирке я, Артем Топильский, вам не дам. Запомни это.

– Да-а, – протянул Зураб, покачав головой, – да-а...

В задумчивости он перебирал наваленные перед зеркалом трюмо флаконы, тюбики, салфетки, ножницы, зажигалки, булавки и прочие настольные мелочи.

– А вот еще хорошая идея – вернуть диких животных на место, – вновь заговорил Зураб. – Вот что тебе надо было выдвинуть условием. И мне было бы чему посвятить остаток

жизни. Выкупать зверюг у их новых владельцев, везти обратно через все границы и, обливаясь слезами, отпускать на свободу в дикие джунгли. Да, есть чему посвятить остаток жизни.

Коверный вдруг резко повернулся. В воздухе блеснул металл.

Сработали рефлексы. Артем откинулся назад одним корпусом, не отрывая ног и сидища от ящика, – и очень вовремя. Над ним просвистел нож с костяной рукоятью (такие ножи все цирковые накупили на гастролях в Руанде) и где-то позади гроыхнул о металлическую стену фургона.

Увидев, что промахнулся, коверный соскочил с табурета и бросился в глубину вагончика. Однако и Артем не растерялся. Сорвался вдогон, перепрыгнул через брошенный ему под ноги табурет, скользнул в узкий проход между шкафчиками для одежды и откидным столиком, заставленным грязной посудой и остатками еды. К этому времени Червиченко уже успел выдернуть из-под кровати картонную коробку, вывалить ее содержимое на пол и склониться над ним, вороша кучу.

Когда Артем подлетел к клоуну, тот распрямился, держа в правой руке сельскохозяйственный серп.

Конечно, могла сбить с толку несерьезная внешность противника, все эти намалеванные улыбки, рыжие патлы и идиотский наряд. Могла... но только не Артема. Артем прекрасно сознавал, кто перед ним. И коверный Червиченко, не откладывая, доказал серьезность своих намерений. Блестящий полумесяц рассек воздух.

Не отклонись Артем, остро заточенная сталь перехватила бы ему горло. Ему пришлось отступить еще на шаг, уходя от новой атаки коверного. Не отпуская взглядом противника, Артем нашарил на обеденном столе сковороду и подставил ее под новый выпад клоуна. Зазвенел металл, посыпалась на пол недоеденная жареная картошка.

А следующий ход сделал уже Артем. Вынужденное свое оружие, сковороду, он обрушил на запястье противника и – выбил серп.

Лишившись оружия, Зураб попытался достать Артема ударом ноги, обутой в длинный ботинок с загнутым носком. Но против акробата следовало придумать что-то похитрее, такие фокусы с акробатами не прокатывают.

Одной рукой Артем блокировал удар, другой – он схватил противника за штанину и сильно дернул на себя. Клоун потерял равновесие, а побыстрее оказаться на полу ему помог удар сковородой. Не давая опомниться, Артем навалился на коверного, взял его шею в жесткий захват.

– Ну вот тебе и доказательство, клоун! – закричал он коверному на ухо. – Ты же хотел доказательств! Сам себе их и представил. Значит, убить меня захотел? А вдруг у меня пакет оставлен с пометкой «Вскрыть в случае моей смерти»? А, как насчет пакета, не подумал, да?!

В ответ Зураб прохрипел что-то неразборчивое. Артем чуть ослабил захват, чтобы коверный не задохнулся.

– Слушай меня внимательно, клоун, – Артем заговорил уже спокойнее. – Ты – чужой. И не только для нашего цирка чужой. Ты вообще не цирковой, а эстрадный. Поэтому ты не врубаешься, что такое цирк для тех, кто при нем вырос. Это – дом. И поганить дом я тебе не дам. Никто этого тебе не даст... А знаешь, что? Я не стану привлекать органы. Зачем мне делать тебе доброе? Я просто расскажу про ваши делишки всем нашим:

братьям Пакалидисам, братьям Безруцким, Арчилу Гвазаве и его парням, Штоколову, тигровику Михалычу, остальным. Ты представляешь, что с тобой будет? Я вот тоже не представляю. К примеру, тигр задерет. Ведь бывает? А может, неудачно исполнишь сальто назад и сломаешь шею, поверь мне, такое случается. Усекаешь?

– Тема, – прохрипел Зураб Червиченко, – я же не центровой в этой программе, ты же должен понимать. Нити уходят наверх, уходят высоко. Надо мной стоят очень серьезные люди. И этот цирковой канал – всего лишь одно из щупалец огромного спрута. Не будь

глупцом, акробат, используй ситуацию. У тебя на руках оказалась отличная карта. Будешь получать свой процент за молчание. Только за одно лишь молчание. Конечно, не слишком большой процент, но зато верный. Палец о палец не ударяя. Ты просто для интереса зайдешь в любую китайскую аптеку, поинтересуешься ценами на препараты из животных. Охренеешь от этих цифирек. И это в Китае. А если это переправляется дальше, то цена соответственно многократно возрастает. Какие-нибудь немощные, но богатые старички готовы платить любые деньги, чтобы еще чуток побарахтаться на этом свете. А раз есть спрос – всегда найдется предложение. Не мы продолжим, так другие начнут.

– Засунь свой процент знаешь куда? – Артем оттянул клоунский красный нос на резинке, передвинул его Червиченко на лоб. Поднялся на ноги. Сказал, глядя сверху вниз: – Разговор окончен, Зураб. Все, что хотел, я сказал. По уму, конечно, следовало бы хорошенько начистить тебе морду. Но ведь тебе еще выступать, а меня, блин, понимаешь, волнует успех нашей программы. Для тупых повторяю основную мысль – выбора у тебя никакого...

Артем возвращался к себе в гримерку, довольный визитом. Ведь, откровенно говоря, он шел в гости к Червиченко с одними лишь догадками, с одними лишь дедуктивными построениями, то бишь практически с пустыми руками, рассчитывая исключительно на блеф. Расчет оправдался. Не выдержал Зураб нажима, а в принципе нажимчик-то был так себе, легонький. И это как нельзя точнее подтверждает догадки Артема о том, что Зураб – случайный человек в криминале, его просто однажды впутали. Так что, думается, клоун примет предъявленный ультиматум, никуда не денется, уберется со своими поделниками из цирка.

Вот о чем размышлял Артем, шнуруя тапки-«акробатки», обматывая запястья эластичными бинтами, поверх бинтов стягивая их кожаными браслетами, надевая бандажные повязки на бедра – то есть заканчивая приготовления к номеру. А номер его стоял в программе, между прочим, почти сразу после выхода на арену гражданина коверного.

Артем подошел к выходу на арену, когда там уже работали атлеты-гиревики – украинец Степан Стороженко и серб Горан Милорадович, после которых должны были объявить выступление «Непадающих звезд». Артем присоединился к пяти «непадающим звездам», обступившим чашу с тальком.

– Опаздываешь, – сказал руководитель группы воздушных гимнастов Глеб Штоколов, окуная руки в чашу с тальком.

– Он ходил подглядывать, как переодеваются китайки из кордебалета, – по своему обыкновению подколола Карина.

– Ты, как всегда, неподражаемо остроумна, моя прелесть, – ответил Артем.

– Он не подглядывал за китайками. Китайский кордебалет уже давно переоделся, я видел, – Олег Башнев, как всегда, понимал все буквально.

Перед занавесом жонглировали кольцами и булавами девушки из труппы лилипутов, чей выход был следующим за воздушными гимнастами. Сквозь неплотно задвинутый занавес была видна часть арены, бугрящиеся мышцами тела силовых атлетов и перелетающие от одного к другому гири самого что ни на есть внушительного вида. Музыкальное сопровождение номера состояло из барабанного боя.

– О, гляди! К Темычу друган притащился! – воскликнул Роман Корнаухов, бывший монах, а ныне воздушный гимнаст, показывая белым от талька пальцем куда-то в район артемовских ботинок.

Да и сам Артем почувствовал, что о ногу трется мохнатое и теплое. Опустил глаза и увидел кота Фильку, хухлячевского любимчика. Встретившись взглядом с человеком, кот громко, требовательно мяукнул.

– Ну, и чего тебе надо? – спросил у зверюги Артем.

– Пожрать повкуснее, – взялся отвечать за кота Олег Башнев.

– Может, предупредить о чем-то хочет, мяукает уж больно тревожно, – с улыбкой сказала Карина. – Или показать что-то?

– Все! – громко хлопнул в ладоши, выбивая белое облако, старший группы Глеб Штоколов. – Некогда на котов отвлекаться. Пошли!

– Брысь давай! – дернув ногой, Артем отогнал от себя котяру. – Пусть тобой Хухлачев занимается.

Кот по кличке Филька, обиженно мяукнув, юркнул за железяки.

С арены ворвались отработавшие номер, потные и усталые, гиревики, и тут же донесся усиленный микрофоном зычный голос маэстро анонсера, объявляющего выход «российских бэтменов, непадающих звезд», засим последовал перевод анонса на китайский, и акробаты выбежали на арену.

Артем нервничал только во время выхода. Но нервничал всегда, хоть и выступал уже далеко не первый год. Волновался он вне зависимости от того, где и перед кем приходится выступать, дневное представление идет или вечернее, заполнен цирк или не заполнен. Но всякое волнение враз проходило, когда начиналась работа.

Шанхайская публика встретила выход на арену «российских бэтменов» аплодисментами. Китайский зритель что в Шанхае, что в других городах очень любил всевозможную акробатику. Больше акробатики китайцам нравился лишь медвежий аттракцион. Но этот феномен – не феномен, во всех заграничных русские медведи неизменно отхватывали главный приз зрительских симпатий, с косолапыми тягаться не могло ничто, даже фокусы Харламова-Тортонна. Кстати, почему-то как раз таки у китайцев фокусы не пользовались оглушительным успехом (может, своих фокусников хватало?), не слишком здорово проходила и клоунада (видимо, китайское чувство юмора все-таки отличается от восточно-европейского). А в остальном китайские вкусы совпадали с общемировыми.

Между прочим, чтобы еще больше угодить китайскому зрителю, перед гастролями воздушным акробатам сшили новые трико. В общем-то, трико как трико, плотно облегающее, эластичное, украшенное блестками. Только на спине вместо беспорядочной россыпи блесток белой блестящей нитью вышили изображение дракона. Наверное, раз уж пошла такая тема, следовало под китайские гастроли изменить и название номера. Скажем, назваться «Восточными драконами». Или «Драконами российских гор». Но об этом как-то никто не подумал. Может, и зря не подумали...

Выступление воздушных гимнастов, исключая приветствия и поклоны, длилось десять минут. Однако когда работаешь номер, время перестает исчисляться секундами и минутами. Оно измеряется в единицах «пере»: перелеты, перехваты, переходы, перебросы, передышки.

Музыкальным сопровождением номера они взяли попури из советских хитовых песен, назвав его «Перелетные птицы». Под него объехали всю Россию и в придачу полмира. Под это ретро-попури выступали и сегодня.

Под музыку из «Веселых ребят» рассыпались по арене, выполнили несколько простеньких кульбитов и кувырков, потом, разбившись по трое, забрались по канатам на площадки над ареной.

Под мелодию ура-патриотической песни «Перелетные птицы» начали работать воздушную часть, начали полеты...

У Артема за номер было две длинные передышки. У каждого воздухоплавателя в номере были передышки – нельзя же десять минут безостановочно крутиться, вертеться, порхать с трапеции на трапецию, с трапеции на площадку, трюкачить в полете и чтоб при этом никакого перекура, не биороботы, чай.

Выполнив три перелета, переброс с вращением, переход в воздухе на свободную трапецию, подъем переворотом, «вертушку» и «прыжок Веремеева», чуть запыхавшийся Артем

вышел на площадку, именуемую воздушниками «опора раз», где получил возможность малость передохнуть.

Артем обвел взглядом цирк. Фигуры и лица зрителей утопали в темноте, лишь иногда поблескивали линзы биноклей. Но можно не сомневаться – все без исключения головы задраны вверх и больше тысячи взглядов перекрещены на тебе. Высоцкий пел: «Из партера глядели уныло лилипуты, лилипуты, так казалось ему с высоты». Так вот, никак нельзя согласиться с Владимиром Семеновичем, вернее, с героем его песни – никакой унылости зрительские ряды не источали. Ни сегодня, ни во время любого другого представления. Наоборот – снизу током били заинтересованность и восхищение. Этот ток Артем ощущал вполне явственно. Между прочим, здорово заводит, дает почувствовать столь необходимый любому цирковому человеку кураж. Недаром мать Артема любила повторять: «Если хоть раз выступил перед публикой, из цирка уже не уйдешь».

У него не было братьев и сестер – ситуация, надо сказать, не вполне типичная для цирка, где большие семьи являются скорее правилом, чем исключением. Но так уж вышло. Артем был поздним ребенком. Почему родители не решались или по каким-то причинам не могли завести ребенка раньше – бог весть, Артем никогда у них об этом не спрашивал. А теперь уже и не спросишь: два года назад умер отец, мать пережила его всего на год.

Родители Артема (оба, кстати, тоже потомственные цирковые) были велоэквилибристами. Артем не пошел по родительским стопам. Он вообще крайне долго не мог определиться с выбором. Нет, вне цирка он себя не представлял. Стать космонавтом или футболистом не мечтал никогда. Цирк, только цирк. Вот только на какой цирковой профессии остановиться? То хотел быть дрессировщиком, то клоуном, одно время уж было твердо собрался в канатоходцы, однако передумал. Все же с полетами над ареной ничто другое сравниться не могло, и в конце концов он стал воздушным гимнастом. А владел в той или иной степени Артем, почитай, всеми цирковыми профессиями – как и большинство из тех, кто вырос при цирке, кто после школы бегал не по улицам, а по цирковым коридорам, кто находился рядом со взрослыми на репетициях, запоминал, что и как они делают, пытался повторить...

Ну вот, передышка окончилась. На «опору раз» вышел Олег Башнев, Артем перехватил у него опустевшую трапецию, оттолкнулся от опоры и ушел в полет. Любые посторонние мысли, любые воспоминания остались на площадке. Отныне и до завершения полета работает одно тело, одни лишь рефлексy и навыки.

Сейчас Артем исполнял сольник. У каждого из воздушников в номере был свой маленький сольник. Артему предстояло в «точке середины» перехватить Карину, которая ушла с противоположной площадки одновременно с Артемом, совершить с ней три перелета (или «качей», на жаргоне воздушников) с исполнением «крестового перехвата», «невесомой поддержки» и «винтового вращения» и вывести Карину на «опору два». После чего Артем пять «качей» работал в одиночку, выполняя придуманный им самим трюк под названием «бумажный самолетик». Сольник Артема проходил под музыку из кинофильма «Небесный тихоход».

Все было, как всегда. Разве что сверху, из той полутьмы под куполом, куда уходили тросы, доносились, проникая сквозь оркестровую музыку, непривычные звуки. Что-то вроде «вжиу» и полсекунды затишья, снова «вжиу» и полсекунды затишья. Что ж, китайский цирк – китайские звуки. Да еще Карина набрала в Китае лишних граммов триста веса, и это уже чувствовалось. Ох, завтра поутру надо задать ей перца!

А так все шло по накатанной. Он благополучно доставил Карину на «опору два» и, уходя на «качок», увидел, как его давняя и скоротечная, по цирковому училищу, любовь сделала книксен и одаривает публику воздушными поцелуями. Не считая участия в общей «воздушной пирамиде», Карина на сегодня свою часть отработала.

Под Артемом же снова стал размеренно покачиваться желтый круг арены. Оркестр браво наяживал «Первым делом, первым делом самолеты». Китайцы хлопали...

Потом где-то высоко над головой лопнула гитарная струна... Именно так показалось Артему.

И – все изменилось. Его увело с траектории. Его потащило из зоны полетов. И трапеция уже не держала, трапеция падала вместе с акробатом.

Да, Артем падал.

Тросы, удерживающие трапецию, лопнули. Какое к черту лопнули! Их перерезали! Это «вжиу»-«вжиу» наверняка издавала какая-нибудь пила-«болгарка» на аккумуляторах...

Артем не просто падал. Его подловили в точке наибольшего размаха, и он уходил за пределы страховочной сети, накрывающей только центр арены. Он отчетливо видел это. И ничего поделать было нельзя.

Дружно ахнул весь цирк. Зрители пока еще ничего не поняли, они пока еще принимали происходящее за смертельный трюк, разве что исполняемый не под обычную для подобных трюков напряженную барабанную дробь. Они поймут все чуть позже, когда тело шваркнется об арену, когда неестественно выгнутся руки и ноги.

А страха отчего-то не было. Была обида. Что вот так глупо... так по-дурацки... Проклятый клоун все-таки переиграл его.

Потом, на фоне летящей в лицо арены, померещилась кошачья Филькина морда. Уши заложило пронзительное «Мя-у-у!».

В глаза с торпедной быстротой неслись опилки арены... Ну вот и все. Сейчас...

Глава вторая КУДА УЕХАЛ ЦИРК

Жизнь человека подобна далекому путешествию с грузом на плечах. Не торопись.

Йоязу

Почему-то не хрустнули шейные позвонки и не разлетелась вдребезги черепная коробка. Скелет не рассыпался, как пирамида из доминошин, обломки костей не впились в мягкие ткани, не залепило глаза вечной темнотой.

Он зарылся лицом в нечто мягкое, рассыпчатое, холодное, душное и мокрое.

«Я – Артем Топильский. Я мыслю, значит, существую. Или заканчиваю существовать, и так причудливо угасает мое сознание» – вот что прошелестело в мозгу сминаемой конфетной оберткой.

После чего он попробовал пошевелиться – очень осторожно, ежесекундно ожидая, что тело пронзит невыносимая боль.

Однако боли не было, ни малейшей. Тело – как показали осторожные попытки – по-прежнему слушалось своего хозяина. Тогда Артем решился встать. Тем более что дышать, лежа физиономией в холодной субстанции, становилось все труднее. Он приподнялся, сел на колени...

И увидел под собою снег – не пенопластовый и не из бумажной шелухи, а самый настоящий. Снег таял на лице, охлаждал кожу рук, белел на рукавах трико. В сугробе, из которого выбрался Артем, осталось выдавленное его телом углубление.

– Йоханный бабай! Матушка-заступница! Пресвятые цирковые мученики – Карандаш и Никулин! – Артем механически слепил небольшой плотный снежок. – Что ж это творится на белом свете...

Отшвырнув снежок, Артем оглянулся. Снег был повсюду, белым-бело было от снега. Вдобавок к этому счастью из сугробов там и сям торчали кривые, черные деревца. Не заставило себя ждать и еще одно открытие: его, оказывается, занесло не куда-нибудь, а в горы. Убедительным тому доказательством величественно торчала над головой самая натуральная горная вершина, заснеженным пиком втыкающаяся в перистые облака.

Сказать, что Артем был ошарашен, значит, зазря использовать такое мягкое слово. Ошарашен он не был, он был, словно гидравлическим прессом, придавлен изумлением, граничащим с помутнением рассудка. Рассудок отказывался внятно анализировать ситуацию, выставлять в окошко умственной раздачи приемлемые версии.

– Отставить разговоры, вперед и вверх, а там... – Артем зачерпнул ладонью снег, растер им лицо, смахнул с лица влагу, сплюнул и закончил попросившуюся на язык фразу: – ...ведь это наши горы, они помогут нам.

Артем помнил, что во время падения из-под купола рефлекторно закрыл глаза и почувствовал... Что-то же он тогда почувствовал? Кажется, возникло ощущение, будто он пробивает некую пленку. Вроде бы он при этом услышал негромкий хлопок, и тело пронзил слабый электрический разряд, а где-то очень далеко будто бы прогрехотал гром. Почудился ли букет спецэффектов или не почудился – вдумчиво размышлять над этим сейчас не было никакой физической возможности. А все потому, что Артем, стоя по колено в снегу, все больше и больше замерзал. Тонкие тапки, ясен перец, ног не грели, равно как не согревало тело и трико с блестками на груди и с драконом на спине.

– Во всяком случае, на рай это не похоже, – сделал он предварительное заключение, содрогнувшись от озноба. – В раю должно быть тепло, как в бане, или, на худой конец,

просто приятно. Тогда остается ад? Хотя нет... Есть еще чистилище, шамбала, любимые народом параллельные миры.

Воздушный гимнаст набрал в легкие побольше морозного воздуха и закричал:

– Эй, люди!!!! Ау!!! Китайцы!! Демоны!

Ответом было гулкое горное эхо. Ну, еще разве что в глубине худосочного леса поднялась с ветки, осыпав снег, некая крупная птица и улетела курсом на благополучные, тихие края, где никто не досаждаёт криками на русском языке.

Все, стоять на одном месте больше было нельзя. Ну, и куда направиться?

Над выбором направления голову ломать не пришлось. Забираться выше, где еще холоднее и безлюднее, – глупо. Можно, конечно, вскарабкаться наверх, вонзить в вершину сооруженный наскоро из подручных материалов российский флаг и патриотически под ним замерзнуть. Можно-то можно, но отчего-то не хочется. Значит – вниз. Там можно надеяться на приемлемую температуру, на человеческое жилье, на подробные ответы на «где я, кто я?», на огонь в очаге, на миску горячего супа и накинутый на дрожащие плечи плед.

Что ж... Как говорил герой фильма «Кин-дза-дза»: «Вот выбрали направление и идем». Артем пошел.

Он бы и побежал, да ноги уходили по колено в снег, поэтому приходилось довольствоваться лишь скорым шагом. Ну хоть то отрадно, что этот был легкий и пушистый, а не тяжелый и мокрый, из которого выдергивать ногу было бы сущее мучение, что репу из грядки тащить. Как говорится, мелочь, а приятно.

Стали попадаться следы: все больше птичьи или мелкого зверья навроде зайцев-шмайцев и всяких там куниц. Тому, что тут шастает зверье, удивляться не приходится – места дикие, лесные, шастай не хочу. Ладно, хоть не встречаются вмятины от медвежьих и волчьих лап, а равно от лап циклопических размеров.

Артем сложил руки рупором и еще раз попробовал до кого-нибудь докричаться. Тщетно. Вновь ответило ему лишь горное эхо, вновь бездарно, без пользы растаяло в воздухе.

В общем, не оставалось ничего другого, как идти себе и идти. Переход, судя по всему, предстоял долгий, и не следовало тратить силы впустую. Также не стоило разбрасываться и временем – хотя солнце сейчас стоит высоко и ни с того ни с сего закатываться в ближайшие часы вроде бы не собирается, но не успеешь оглянуться, как тени станут длиннее, краски потускнеют и дохнёт скорыми сумерками. А до темноты ему необходимо определиться по меньшей мере с ночевкой в сухом и теплом месте, добыть огонь, согреться, высушить одежду.

– А в солнечной Бразилии, Бразилии моей, такое изобилие невиданных зверей...

Всем, кто мало-мальски знаком с многокилометровыми марш-бросками, известен этот способ – монотонным повторением ритмически организованных строк вгонять себя в некое подобие транса, в котором двигаешься как автомат, запрограммированный на успешное решение одной-единственной задачи, отчего и утомляешься значительно меньше обычного, и посторонние мысли голову не тревожат. Вот это, пожалуй, для Артема сейчас самое главное – ни о чем не думать, не травить себя домыслами и версиями, а только идти и идти.

– От ливерпульской гавани всегда по четвергам суда уходят в плаванье к далеким берегам, – переставляя ноги, бормотал Артем под нос слова детской песенки, неисповедимыми путями пришедшей на ум. – А в солнечной Бразилии, Бразилии, Бразилии такое изобилие...

Между тем пейзаж понемногу менялся. Деревья пошли менее кривые и более высокие, да и плотность их заметно увеличилась. Артем теперь шел по лесу, который более всего походил на лес весенний, где преобладает черная земля, а снег сохранился лишь в низинах, во впадинах, под корнями и под пнями. Вдобавок стало попадаться больше, чем наверху, камней, порой образующих внушительной высоты навалы. И таким образом увеличивался

шанс обнаружить уютную пещерку. Да и воздух сделался менее разреженным, отчего дышалось с каждым новым отмаханным километром все легче. Словом, жить стало лучше, жить стало веселей, вот и ноги теперь уходили в снег самое большее по лодыжку, отсюда возросла скорость передвижения по неведомым краям, как тут не порадоваться, бляха-муха...

– Ну как же я забыл! – Артем остановился и хлопнул себя по лбу. – Я ведь так ни разу и не ущипнул себя, не убедился, не сплю ли я. А ведь положено ущипнуть, как же без этого...

Но щипки, даже беспощадные, ни к пробуждению, ни к какому-то иному развенчанию окружающей действительности не привели. Вполне реальный лес остался на своем месте, вполне реальная извилистая цепочка следов отмечала пройденный Артемом путь, вполне реальный холод заползал под трико, украшенное вполне реальными блестками. В общем, ничего другого не оставалось, как тяжело вздохнуть и снова тронуться в путь.

Прошел час... ну, или около того (Артем переместился из цирка в горы без часов, поскольку часы с собой на выступления не брал. Хорош акробат, который что ни минута будет задирает рукав трико и пялиться на часы, мол, когда же, так-растак, закончится этот чертов номер). Он безостановочно брел по лесу, погруженному в грандиозную тишину. Разве что хрустнет под ногой сучок, или поблизости шлепнется в сугроб упавшая с ветки снеговая шапка, или изредка где-то вдаль прокатится гул, видимо, от сходящей с гор лавины.

Лес был насквозь незнакомый, на родной расейский непохожий. Впрочем, откуда взяться русскому лесу в Китае... Или это все же не Китай? А если даже Китай, то что все происходящее означает? Почему, скажите, люди добрые, падая не разбиваешься, как нормальный человек, или на худой конец не проваливаешься куда-нибудь ниже и ниже, пробиная головой преграды, а перемещаешься высоко в горы? Эхе-хе, где же ты, клуб знатоков «Что? Где? Когда?», который за минуту обсуждения раскусил бы эти непонятки, как белка гнилой орех.

Сравнение с белкой пришло в голову не случайно. Упомянутая зверюшка, по зимней моде серо-шерстная, с кисточками на ушах и при пышном хвосте, сидела на ветке и глазами-бусинками таращилась на лесного прохожего.

– Кыс, кыс, – позвал ее Артем и поманил пальцем.

Но нет, не пошла белка на зов. И тем избавила воздушного гимнаста от мучительных, гамлетовских сомнений – убивать ее или не убивать. Конечно, будь он отчаянно голоден, от колебаний и следа бы не осталось, но до столь высокой степени голода пока еще, слава те господи, не дошло.

Свидание с каким-никаким живым, теплокровным существом пошло на пользу настроению. Ну еще бы, ведь он не Робинзон Крузо, чтобы тащиться от полного одино...

Он встал как вкопанный. И от неожиданности даже забыл что-нибудь воскликнуть, что-нибудь подходящее к случаю, а к случаю лучше прочего подходило что-нибудь старинное, что-нибудь из речевого обихода великих первопроходцев прошлого, вроде «Заешь меня кабан!», «Будь я проклят!» или «Двадцать тысяч отборных чертей вам всем в задницу!!!».

Тропа. Это была тропа. Прямо перед ним была тропа. Едва заметная, однако несомненная тропа. Протоптанная людьми. «Почему так сразу людьми? А зверьем не может быть протоптана? Или некими... существами?» – подпустил гнильцы внутренний голос, ныне единственный собеседник Артема.

Артем присел на корточки и взгляделся в тропу. Трудно сказать, как удавалось Дерсу Узала и прочим чингачгукам читать по лесной земле, как по книге, и после с умным видом распинаться перед бледнолицыми недотепами: кто и куда тут прошел, когда проходили последний раз и что несли за спиной, не сидел ли при этом кто-то на закорках у идущего. А вот, скажем, Артему не удалось высмотреть ни на тропе, ни по ее краям ровным счетом ни-че-го?

– Где же вы, следы ботинок, велосипедных шин или четкие отпечатки лошадиных копыт? – тяжело вздохнул Артем. – А еще лучше оброненная туристами маршрутная карта с перечислением всех придорожных мотелей... Похоже, давненько тут никто не проходил. Но с другой стороны, думаю я, и зверье тут давненько не пробегало. Стал быть, есть надежда, что я все же угодил не на звериный Бродвей и хоть сегодня удастся не попасть под проносящиеся к водопою медвежьи и волчьи стаи, не столкнуться лоб в лоб с беспощадным оленем-шатуном или не сорвать вечернюю прогулку бешеному зайцу. Короче, все ясно...

Неясным оставалось только одно – налево или направо. Тропа шла параллельно склону, поэтому с равными шансами на успех можно было податься и туда, и туда. Ну, и куда? Ведь даже монетки не имеется, чтоб подбросить на «орел» или «решку». Положившись на авось, Артем отправился по тропе налево.

И долго не мог понять, ошибся он с выбором или нет. То казалось, что ошибся прямо-таки катастрофически и надо срочно возвращаться к распутью – это чувство охватывало его, когда тропа начинала забирать вверх. Но зато когда тропа очевидно уходила вниз – настроение поворачивало резко на сто восемьдесят. Так он и шагал в изменчивом настроении, бросаемый то в горе, то в радость...

– Стоп, машина. Вроде то, что нужно. От добра добра не ищут.

Наконец-то он набрел на что-то подходящее. Конечно, пределом мечтаний была бы пещера со всеми удобствами, но пока ее найдешь – три раза сдохнешь. Поэтому ну ее в пень, эту пещеру, и будем, как суворовские солдаты в Альпах, довольствоваться малым.

Артем свернул с тропы и направился к каменистому пригорку, где заметил небольшую нишу. Подойдет, прикинул Артем, подойдя ближе. Вполне сносная и где-то даже уютная ниша. Для мягкости лежаания наломать лапника, разжечь костер, ветками завалить проем, соорудив подобие шалаша, – и чем не мотель, вы мне скажите! Тут тебе и согреться, и просушиться, потом забиться в нишу поглубже и кое-как поспать, подбрасывая в огонь дровишки и поворачиваясь к костру то одним, то другим боком. Вот оно – скромное туристское счастье. Правда, на пути к счастью громоздилась такая преграда, как добывание огня.

«Что ж, – здраво рассудил Артем Топильский, – получалось же у низколобых питекантропов, получится и у циркового акробата». Насколько он помнил технологию добычи огня трением, она заключалась в следующем: берется колода, в ней проковыривается дупло, туда запикивается сухая трава, вставляется подходящая по размеру палка, которую интенсивно вертят в ладонях туда-сюда, туда-сюда, пока трава не задымится, а там уж не зевай – раздувай искру, подкладывая сухие щепки, хворост, тонкие ветки, ветки потолще... и потом колоти себя кулаками в грудь, рычи на весь лес и скачи по поляне козлом, когда духи смилоостивятся и подарят тебе большой огонь.

Подходящую колоду Артем нашел, не затратив много времени и труда, в чем какой-нибудь друид или иной первобытный предсказатель обязательно разглядел бы хорошее предзнаменование. Как раз на вершине облюбованного Артемом пригорка лежало заваленное ветрами или старостью дерево неизвестной породы. Что-то типа нашей осины. Не долго думая, Артем подтащил дерево к краю и спихнул вниз. Шмякнувшись о землю, местная, предположительно горно-китайская, осина разломилась пополам, и на черно-белую землю просыпалась желтая труха.

– Ну вот и ладушки, – Артем быстро сбежал вниз.

Естественных отверстий в трухлявом дереве хватало, так что проковыривать ничего не пришлось. Теперь надо разыскивать сухую траву. А чего ее, собственно, разыскивать! Вон она, растет не отходя от кассы, то бишь от ниши, кругом торчат пучки, даже из слежавшегося, покрытого черными пятнами снега выглядывают сухие стебли. Веток, из которых можно подобрать преотличную зажигательную палку, вокруг валяется немерено – да хоть от этой

же трухлявой пальмы можно отломать! – так что все готово для священнодействия. Как там положено, по первобытным понятиям, может, молитву какую прочитать?

В ответ на эти мысли внезапно заурчал желудок. Он урчал громко, протяжно, с переливами и прибулькиваниями. Сие послание однозначно переводилось на человеческий язык, как «слышь, хозяин, пожрать бы не мешало, да!». Оно, конечно, справедливо, прав друг-желудок. Тем более что огонь – а Артем в данный момент отчего-то уже не сомневался, что сумеет его добыть, – отчасти пропадет зря, когда на нем не будет ничего зажариваться, покрываясь хрустящей аппетитной корочкой, и капельки жира не станут выступать на округлых боках и стекать в огонь... «Да, как славно было бы насадить на прут хоть ту же белочку, – с тоской подумал Артем. – Хорошая была белочка, жирная».

Мысли о жратве, ворвавшись в расположение ума, жгли и топтали там все подряд, развивали успех и вскоре всецело захватили крепость под именем Артем. И вот уже ни о чем другом не думалось, кроме как о пище, о жирных калориях, о битком набитом брюхе. Перед глазами журавлиными клиньями проплывали глубоко ненавистные в прошлой жизни гамбургеры и картошка фри.

– Это становится невыносимым, – пробормотал Артем, закончив собирать сушняк для будущего костра. – Надо что-то придумывать.

Придумай тут! Никакая жратва в данный момент рядом не прохаживалась, жратву еще требовалось выследить, обнаружить, застать врасплох и...

– Вот именно, что «и».

На «кыс-кыс», как выяснилось, местное зверье не покупается. Значит, необходимо оружие.

– Где вы, луки с бумерангами? Боги-боги, вы же есть, я знаю, так пошлите мне хоть скромную плевательную трубку с ядовитыми колючками! Я вам потом жертву принесу! – возопил Артем, подпрыгивая на месте и размахивая руками, чтобы не замерзнуть.

Шутки шутками, а надо было к чему-то приступать. Или добывать огонь и греть на нем пустой желудок, или все же пробовать поохотиться, как бы громко это ни звучало. С чем охотиться, говорите? Лук отпадает, не из чего плести тетиву. На изготовление копья, как представляется, уйдет слишком много времени. А вот ежели попробовать камушком запулить...

Камушков вокруг хватало с избытком, настолько хватало, что питайся Артем камушками, мог бы бродить по этим местам в сытости до глубокой старости. Жаль, пращой он не владел, а то, ей-ей, не пожалел бы последнего трико на святое дело. Но зато силушкой рукою он не обижен, глаз-то не косит, а главное, резкость в движениях присутствует. В общем, есть на что понадеяться, и, когда расстояние позволит, можно смело попытаться поразить цель метким броском.

В россыпи камней аккуратно возле предполагаемого костра Артем подобрал подходящий по весу и удобный для ладони булыган. С ним и отправился в охотничий поход.

– С надеждой в сердце и с булыжником в руке, – проговорил Артем, забираясь на холм.

С холма он поглядел окрест и еды поблизости не увидел. «Что ж, будем искать!»

Поиски Артем вел, стараясь далеко не отходить от полюбившегося холма с уютной нишей и старательно запоминая особенности ландшафта, чтоб в случае чего быстро отыскать дорогу назад. Он пристально оглядывал ветви деревьев, не сидит ли там какая-нибудь жирная тетерка, всматривался в землю не только на предмет следов, но и в надежде на мелких грызунов, которые могут опрометчиво высунуться из нор и подставиться под булыжник. Артему было уже не до брезгливости, он был согласен и на мелких... на самых мелких грызунов.

Холодный камень приходилось то и дело переключивать из ладони в ладонь, а освободившуюся кисть засовывать для согрева под мышку. Между прочим, замерзал он все неумолимее. Организм, не получающий должной поддержки в виде горячей пищи, спирта и мехо-

вых шуб, все менее яростно перегонял кровь по жилам, позволяя холоду брать над собою верх. Уже плохо помогали энергичные отжимания и приседания, как и разные прочие упражнения, по-настоящему согреть мог только костер.

А поганая живность упорно пряталась и на прогулки не выходила. Как отрезало у живности. Даже какого-нибудь завалящего суслика не вынесло навстречу.

Артему припомнилась очень древняя статья в газете, где некий фанат лесов утверждал, что ни зимой, ни летом в любом лесу не пропадешь. Дескать, той же зимой, разгреби снег и обнаружишь отмороженные и оттого очень сладкие ягоды и даже грибы. Еще, мол, у каждого дерева найдется что откусить, найдется какая-нибудь съедобная часть: у одних корешки, у других вершки, у третьих сердцевина или та же кора. А еще-де опытный лесной человек всегда сможет наметанным взглядом разыскать беличьи захоронки и набить брюхо орешками там или грибочками. Да и прочие лесные тайны от него не укроются. Артем ограничился чтением той заметки, не стал углубляться в тему, поднимать лесную литературу, списываться с фанатом, вступать в клубы по его интересам. А как бы сейчас пригодилось! Верно говорит простой картежный народ, знал бы прикуп, жил бы в Сочи.

– А это у нас точно не Сочи, век воли не видать, клоуном буду, – вслух вздохнул несчастный циркач. – И не Рио-де-Жанейро.

«Одно бесспорно хорошо во всей этой блинской истории, – пришло Артему на ум, – дышишь не смогом, не вонючими выхлопами, не ароматами циркового зверинца, а натурально чистым горным воздухом». Да, в другое время он бы бесспорно порадовался такому времяпрепровождению. Воздух, тишина, активный образ жизни.

«Все, – решил Артем, – описываю последний круг и иду добывать огонь. От голода я до завтра не помру, а вот если до темноты не разожгу костер, то подохну точно. И вообще коль суждено загнуться, то лучше проделать это под веселый треск поленьев».

Несмотря на весь свой оптимизм и могучее здоровье, которое за двадцать пять лет серьезно ни разу не подводило, Артем понимал, что с гулянием по холоду в тоненьком трико пора срочно завязывать и следует, опять же в срочном порядке, заниматься костром. Иначе догуляешься до воспаления легких, и тогда как сытно ни перекусывай белками, стрелками и сусликами – вряд ли уже что поможет. Ну, разве что до людей вовремя доберешься, а это не факт, ой, не факт...

Он в который уже раз переложил камень из ладони в ладонь и... И сам вдруг превратился в каменную статую...

Как каменная статуя прилипает неподвижным взглядом к тому месту, куда ее развернули, так и Артем прилип взглядом к просвету в лесу метрах в пятидесяти ниже по склону. В том просвете проскальзывали человеческие фигуры. Люди! Один, два, три... И еще двое. Пятеро доподлинных человеков прошмыгнули невдалеке, их спины еще мелькают за деревьями. Еще не поздно их окликнуть...

Артем сперва даже сам себе удивился – почему он не закричал в полный голос, едва их завидев. Казалось бы, вот оно, долгожданное спасение от холода и голода, радостная встреча с себе подобными. Потом в общем-то понял п о ч е м у.

Он уж было собрался крикнуть, уж было набрал в легкие воздух, но рассмотрел крадущихся, и крик вовремя застрял в горле. Да, именно к р а – д у щ и х с я, никакой оговорки, никакой ошибки, именно так те пятеро внизу и выглядели. Даже более того – они выглядели хищными зверями на тропе охоты.

Эта пятерка представляла воплощением неумолимой хищной целеустремленности, не потерпящей у себя на пути любую помеху. Привлекать их внимание – вовремя подсказала Артему его интуиция – такое же разумное занятие, как окликать разведроту спецназа, пробирающуюся по территории врага.

Их плавные хищные движения дополнялись блеском металла, и этот блеск, в свою очередь, отнюдь не переключал мысли на мирный, радужный лад.

И еще одежда. Одежда у этих лесных ребят была такая, что могла заставить любой крик застрять в любой плотке...

Глава третья

ЦИРК СГОРЕЛ, КЛОУНЫ РАЗБЕЖАЛИСЬ

*Настоящая храбрость – жить, когда разумно жить, и умереть,
когда разумно умереть.*

Прини Мито

Артем неотступно двигался следом. В друзья набиваться по-прежнему не тянуло, но отпускать эту пятерку было бы в высшей степени неразумно. И что, вновь оставаться одному посреди леса – незнакомого, холодного и пустого? Вздохнув, поднять с земли камень и вновь возвращаться к своим неандертальским хлопотам? И дичать дальше прямо на глазах? Ну уж нет. Рано или поздно эти хлопчики выведут его к обитаемым местам, куда бы там они сейчас ни собирались. Следует лишь запастись терпением и выносливостью, сжать зубы, превозмочь себя и так далее, и прочая фигня. И идти за ними, идти...

Артем предусмотрительно держался в отдалении, сознательно отпустив этих партизан из зоны прямой видимости. Он не сильно беспокоился насчет того, что вдруг их потеряет. Никуда они не денутся. Поскольку к бесплотным духам они не относились, то следы оставляли: отпечатки ступней на земле, уж совсем отчетливые отпечатки – на снегу (который, слава те господи, еще попадался местами), а также они оставляли позади себя сломанные ветки, примятую траву, черные полосы на белесых от изморози стволах, через которые эти други перешагивали и чиркали по ним подошвами.

Вот так Артем помаленьку превращался в Дерсу Узала или, на худой конец, в Данди-Крокодила, набирался не по дням, а по часам чингачгуковского опыта. Еще немного – и, прижав ухо к земле, сможет расслышать топот далеких всадников, прижимаясь к стволам, будет разговаривать с деревьями, начнет понимать хитрый птичий язык.

Между тем в предприятии под названием «Лесная слежка» таилась еще одна опасность – выдать себя неосторожным звуком. Хрустнуть, шорохнуть. Однако, как выяснилось на практике, кто умеет ходить по канату, тот сумеет бесшумно пройти и по лесу – в одном и другом случае работают одинаковые навыки: не сразу опускаешь всю ступню на опору, а постепенно, перекатом, как бы сперва прощупывая опору под собой. И если под ногами почувствуешь ветку, всегда есть в запасе миг, чтобы сдвинуть ступню или одернуть ногу.

«Куда же они крадутся? А ведь именно крадутся, никаких сомнений, – недоумевал Артем. – И почему в фольклорных одеждах? Или в китайской глуши все ходят в народной униформе?» Одежды этих субчиков, насколько сумел разглядеть Артем, отдаленно смахивали на прикиды, в которых по штатовским блокбастерам разгуливали японские самураи. Правда, именно что о т д а – л е н н о – как кафтаны певцов в опере «Иван Сусанин» лишь отдаленно напоминают реальные крестьянские одежды того времени.

А еще за спинами этих партизан Артем приметил ножны, из которых торчали рукояти, оканчивающиеся небольшой круглой гардой. Судя по очертаниям ножен, в них покоились слегка изогнутые мечи. Здорово смахивают на японские, а? На те, какими машут в кино всякие там Умы Турман, да и вообще все кому не лень. Впрочем, выводы, конечно, скороспелы, не подкреплены ничем, поэтому следует пока остановиться на очевидных фактах. А они таковы: лесные братья вооружены, и этого довольно, чтобы не пытаться чем-либо привлечь их внимание.

«Китай, дикий горный Китай, дикие малоимущие люди, у которых на огнестрельное оружие не хватает юаней и они ходят с дедовскими шпажонками» – вот о чем вдруг подумал Артем. Он не сомневался, что по-прежнему находится в Китае, только вот одно непонятно – каким манером его из славного города Шанхай перенесло в горы. Вполне возможно, в конце

концов отыщется объяснение, напрочь лишенное всяческой мистики и фантастики. Например, такое: то, что сознание Артема восприняло как связную, неразрывную цепь событий, на самом деле имело разрыв. Падение – забытие – горы. Между падением и горами, то есть в состоянии забытия, с Артемом могли учудить что угодно. Например, проклятый клоун наказал своим подельникам везти разбившегося акробата не в больницу, а в горы, там оттащить подальше, завалить снежком и бросить на подыхание... Стоп, стоп, приятель! Если я все же разбился, то где следы падения? Ладно уж, не переломанные кости, но хотя бы заваливший синячок? Нету. Значит, версия не годится. Надо придумывать новую.

За всеми перипетиями последнего часа Артем начисто забыл о холоде и голоде. Не иначе, в кровушку произошел мощный впрыск адреналина, который намертво заглушил все дискомфортные ощущения. Оно, конечно, весьма кстати, да вот только как бы в скором времени не аукнулось болячками да хворями...

Опа! От неожиданности Артем присел, на корточках перебежал под прикрытия ближайшего ствола и за ним залег. Вот оно как! Его фольклорные друзья, оказывается, устроили привал, сгрудились в кучу, о чем-то шушукуются. Хорошо, что смотрели не в его сторону, а прямо в противоположную, иначе могли бы и заметить. «А ведь определенно сабельки смахивают на японские. Ну, мечи, мечи, – сам себя поправил Артем. – Дело-то не в терминологии, а в...»

«Стоп, стоп! А это у нас что такое? Никак дым? Ну да, дым! Над деревьями поднимается тонкой струйкой дым. Так, так... Судя по протяженному просвету, впереди находится что-то вроде распадка. И там обосновались люди, потому что дым – это не что иное, как жильё или стоянка людей. Вах, вот что будет совсем некстати, если сейчас вдруг возьмет и подаст голос желудок, не вовремя разурчится, как давеча урчал. Пожалуй, могут услышать». Хоть Артема и отважную пятерку разделяет метров двадцать-тридцать, но уж очень тихо в лесу. Как верно поется в знаменитой песне: «Тихо в лесу, только не спит Алсу...»

Опа! Ребята явно задумали обходной маневр. Двое шмыгнули в одну сторону, двое в другую, один остался на месте, ни дать ни взять центральный нападающий. Этот форвард приник к земле, замер в позе низкого старта. Небось, в этой самой позе и станет дожидаться, образно выражаясь, ба-баханья фольклорного стартового пистолета.

Вроде бы кое-что начинает проясняться. Итак, подводим промежуточные итоги, отгоняя мыслями холод (который – вот что значит полная неподвижность – снова напоминает о себе, наплевав на все адреналиновые допинги). Итак, группа лесного захвата, фольклорный спецназ или как там его зовут, пришел на место проведения а к ц и и, каковая – есть такое мнение – заключается во внезапном выскакивании из кустов с лихим выдергиванием шашек из ножен и в последующем удалом наскоке на врага. Ну, а какова будет наша роль? Зрительская наша роль, какая же еще. Поскольку кто прав, кто виноват, нам неизвестно, то и дело наше сторона. Будем издали созерцать, а дальше поглядим по обстановке. Как не нами было подмечено, нечего соваться в чужой монастырь со своим уставом. Тем более когда неизвестно, за каких богов болеет тот монастырь и в каких краях-мирах, собственно говоря, находится. Наше дело маленькое и сугубо личное: шкуру свою сберечь, а равно потроха и прочий ливер, под ней находящиеся, согреть, обути ее, эту шкуру, и накормить.

Сигналом к атаке послужил короткий резкий свист, донесшийся откуда-то слева. «Центрфорвард», чьей спиной Артем уже вдоволь успел налюбоваться, сорвался с места, что твой спринтер, ломанул вперед под горку и моментом скрылся из виду.

Теперь опасаться было вроде бы нечего, и Артем тоже покинул свое убежище и тоже бегом. Одолевал расстояние до места, где еще несколько секунд назад прятался партизан-«центрфорвард». Ба, да тут, оказывается, мы имеем преотличный наблюдательный пункт, отсюда много чего можно увидеть.

Сейчас Артем видел внизу небольшую долину, по центру которой протекал извилистый и узкий горный ручей. На поляне между ручьем и лесом стояли хижины, числом – Артем не поленился пересчитать – восемь. Хижины были сооружены из прутьев и натянутых между ними шкур и напоминали индейские вигвамы. Лесная деревня была обитаема. Возле хижин возились дети, вон какая-то женщина пронесла охапку хвороста, бросила возле костра, на котором что-то варилось в котле, еще одна женщина стирала в ручье, вон мужичок сидит на поваленном дереве спиной к Артему и, похоже, что-то мастерит. С такого расстояния Артем, разумеется, лиц разглядеть не мог. Между прочим, и женщин от мужчин отличить было непросто – и те, и другие в одинаковых серых штанах, в одинаковых куртках мехом наружу. Женщин отличать приходилось по длинным волосам и пластике движений. А детей от взрослых – по росту, конечно же.

Зато претотлично виден был Артему «центрфорвард»: вон он сбегает по склону, петляя между деревьев, вот достигает дна долины, выскакивает на открытое пространство, бежит по траве, бежит по камням, перепрыгивает ручей. Вот он выдергивает из заплочных ножен меч и издает боевой клич.

Клич подхватили остальные четверо, с разных сторон вырвавшиеся – и довольно слаженно, следует признать – из леса и не притормаживая рванувшие к хижинам. Получилось кольцо, из которого – как Артему виделся замысел боевой пятерки – никто не должен выскользнуть. Тонкие изогнутые мечи грозно блестели в их руках. А один из героев бравой пятерки в левой руке сжимал еще и кинжал.

Нападающие не стали тратить время на призывы вроде «Стоять! Все на землю, сопротивление бесполезно! Работает китайский ОМОН!». Нападающие сразу стали нападать.

Один из них подскочил к ближайшей хижине, двумя взмахами меча крест-накрест разрубил натянутую между шестов шкуру и запрыгнул внутрь.

Другой саблист-мечевик увернулся от брошенного в него котла и тут же заплясал на месте, заполошно трясая рукой – это его достал брызнувший из котла кипяток. Но едва шок прошел, он снова кинулся на обидчика... вернее, на обидчицу. А женщина вовсе и не намеревалась спасаться бегством. Она выдернула из костра две дымящиеся головни и, вертя ими чертовски ловко (уж Артем в этом знал толк, он даже успел подумать: «Немного поработать, и можно ставить в номер к жонглерам»), принялась кружить вокруг ограждающих костер камней. От первого выпада человека с мечом она ушла, отпрыгнув в сторону, и даже сама попыталась достать его по лицу головней, но промахнулась.

Внимание Артема переключилось на «центрфорварда», знакомого ему лучше прочих лесных братьев. Тот преследовал женщину, которая до нападения стирала в ручье, и на пути от ручья к хижинам он ее настиг. А настигнув, вонзил в спину клинок. Просто взял и вонзил, без зазрений и колебаний. Выдернул окровавленную сталь из тела и переключился на новую цель. А новой целью для его меча стал ребенок (Артему с его НП не было видно, мальчик или девочка), который до нападения что-то складывал из сучьев неподалеку от ручья. Не иначе, у малыша от ужаса отнялись ноги и он никак не мог заставить себя вскочить и побежать.

Однако расправу над ребенком герою пришлось отложить. Потому что он вынужден был переключиться на взрослого – выскочив из-за ближайшей хижины, с воплем, который слышал даже Артем на своей высоте, к «форварду» несясь мужчина с деревянной рогатиной в руках. Готовясь отражать атаку, «форвард» принял боевую стойку: одна нога впереди, колени чуть согнуты, меч он сжимал обеими руками, чуть отведя его в сторону...

Своя шкура, она, конечно, дороже. И своя рубашка, даже если это всего-навсего трико с блестками, бесспорно ближе к телу. Однако преспокойно смотреть с холма, как кромсают в капусту детей... Как-то так получилось, что Артем терпеть ненавидел, когда мучают, а уж тем паче убивают детей и животных.

Не то чтобы Артем был весь насквозь преисполнен благородства. Отнюдь, как говорят графини, отнюдь. Он вовсе даже не принадлежал к киношным героям, которые кушать спокойно не могут, когда видят несправедливость, и, случись что плохое, тут же лезут вмешиваться: защищают слабых, вырывают блондинок из лап чудовищ, лупят почем зря бедных байкеров. Артем не стал бы ввязываться в это гнилое междукитайское дело ну хотя бы по уже изложенным мотивам: неизвестно, что здесь происходит, кто прав, кто виноват. Быть может, по лесным тропинкам подкралась группа мстителей, которая пришла расквитаться за своих невинно убиенных жен и детей.

Но дети, в любом случае, ни при чем. А раз так и коли ребенок еще жив, то надо попробовать его спасти. А спасти можно, только если действовать немедленно. А если не действовать, то дите точно добьют – китайцу с рогатиной против меча долго не выстоять.

Все эти думы Артем додумывал уже на ходу, сбегая маршрутом «центрфорварда» по склону. По пути он хватался за стволы и тем самым притормаживал, чтобы не перебраться со скоростью и не загрехать по каменистому склону, ломая кости об валуны.

А страха не было. Ну, не было страха, и все тут! То ли отморозило весь страх горнокитайским холодом, то ли после того, как один раз умрешь, уже ничего не страшно, то ли что-то еще, но факт есть факт – Артем ни черта не боялся. Он плохо представлял, как он поперет голой пяткой на шашку, и решил работать номер на импровизации. Не ввязаться он не мог, а потому нечего горе горевать, раз ввязался.

Перескочив ручей, Артем подхватил первый попавшийся булыган. Чтобы явиться уж не совсем безоружным, чтобы видели, гады, что он не ластиться к ним пожаловал, не дружбы хороводить...

Вот так! Чего и следовало ожидать! Мужик с рогатиной продержался недолго и никакого урона своим страшным деревянным оружием причинить хозяину меча не смог. Последний играючи ушел от выпада, которым его попытались поднять «на рога», и решил вопрос в три взмаха меча. Первым взмахом меч отсек «рога», превратив рогатину в дубину, вторым – подсек коленные сгибы, заставив противника рухнуть на колени, третьим – снес голову.

А ребяенок, для которого погибший человек выиграл достаточно времени, чтобы тот смог добежать до леса, почему-то этого не сделал, может быть, все никак не мог прийти в себя от испуга и по-прежнему сидел на камнях и ревел.

Но дите малое пока не интересовало хозяина меча – «центрфорвард» повернулся к набегавшему Артему, которого, разумеется, уже заметил и поджидал, приняв все ту же боевую стойку. Герой жестокости и меча не выразил удивления ни жестом, ни мимикой, ни какими-либо восклицаниями. И вообще не позволил себе никаких эмоций по поводу появления на арене еще одного персонажа в необычных одеждах и с явно неместной физиономией. Видимо, этот гад, когда требовалось, умел начисто отключать эмоции. Кстати говоря, хорошее качество для циркача, работающего «смертельные» номера.

– Лягай, фашист!!! Граната!!! – что есть мочи проорал Артем и швырнул булыган. Но кинул не под ноги, как швыряют гранаты, а метя вражине в голову – а так с гранатами обращаются крайне редко.

«Центрфорвард» уклонился от камушка еле заметным кивком. Уклонился ловко и хладнокровно. «Во, гадина! – не без восхищения подумал Артем. – С такими нервами надо дрессурой хищников заниматься, а не по лесам шастать и людишек резать». Артем остановился и подобрал следующий камень, принаравливаясь, подкинул его на ладони.

Но стоять с гордым видом на месте и уворачиваться от булыжников в планы «центрфорварда» явно не входило. С жутчайшим свистяще-клекочущим воплем, подняв меч, убийца бросился на Артема.

Но вот беда – и в планы Артема Топильского на этот вечер никак не входил честный поединок один на один в духе Пересвета и Кочубея и прочих легендарных рыцарей. Никто не

спорит – крайне почетно быть благородно зарубленным в богатырском поединке, но отнюдь не всегда этого хочется. Артему вот точно не хотелось, потому он кинулся наутек, а бежал он быстро, куда там угнаться каким-то боевым китайцем. Слыша за собой не стихающий вопль и угрожающий шорох камней, Артем подбежал к заранее намеченным валунам, вскочил на один из них, промчался по каменной горбине и перепрыгнул на другой валун, находящийся от первого метра в трех. Долетел, разумеется. Сильно оттолкнулся ногами от каменного тулова, перевернулся в воздухе, мягко приземлился по ту сторону валуна и обернулся.

Гражданин преследователь сильно подотстал. Думается, от такой прыти герой колюще-режущего труда растерялся. То-то он перестал орать и в задумчивости притормозил возле первого валуна. Не иначе, осознал, что угодил в весьма дурацкое положение: пока его товарищи по холодному оружию ведут бой за деревню, он вынужден гоняться за одним-единственным прохвостом, да и того, похоже, не догонит.

Пользуясь вражеской заминкой, Артем закричал что есть мочи:

– Беги, пацан, в лес! В лес, в лес! Да беги ж ты!

И, не надеясь, что китайчонок его поймет, замахал рукой. «Может, это не пацан, а девчонка, кто их тут разберет, – вдруг неуместные мысли посетили российского акробата. – Юная китайчиха, другими словами».

Но некогда было предаваться посторонним раздумьям – «центрфорвард» решил-таки никого более не преследовать, а бежать к товарищам-карателям, пособлять в карательском труде.

«Э-э, нет, приятель! Так мы не договаривались!» – Артем схватил каменную поувесистей, вскочил на валун и запустил вдогон. Попал. Еще бы потомственный циркач, друг жонглеров, выпускник циркового училища и промахнулся! Камушек угодил точнехонько промеж лопаток. «Центрфорвард», вскрикнув, выгнулся назад и резво развернулся. Наконец-то на узкоглазой физиономии отразились хоть какие-то эмоции: сперва ее перекосила ярость, а потом на ней проступило безмерное презрение.

Артем тем временем присмотрел очередной булыжник. Отпускать «форварда» на волю он не собирался. А собирался разыграть с лесным братом репризу незабвенного коверного Жоры Астахова под названием «Боксер». Смешная была реприза. Жора изображал худенького боксеришку из «веса пера», а его напарник, одетый в надувной костюм культуриста, в негритянской маске и курчавом парике, с рожей, намазанной коричневым гримом, в громадных надувных пластиковых перчатках, изображал негра-тяжеловеса. Жора, вопя от притворного ужаса, бежал от негра по всему цирку, прятался за униформистов, которым и доставались негритянские тумачи, носился по зрительским рядам, заставляя зрителей визжать, шарахаться, прикрываться сумочками. Примерно такой же беготней надумал заняться Артем, с той лишь разницей, что не рассчитывал услышать восторженный визг зрителей. Но зато уж на славу он погоняет злобного «форварда», отвлечет его от детей и женщин, и у последних появится время сбежать в ихнюю китайскую тайгу. В конце концов, и он сам, Артем Топильский, всегда сможет убежать в лес, как бы там ни разворачивались боевые действия.

Чтобы «форвард» вдруг не надумал махнуть рукой на увертливого и быстрого незнакомца, Артем сперва спрыгнул с валуна на землю, оказавшись в зоне прямой доступности, потом стимулировал врага парочкой неприличных жестов, а уж опосля загарцевал вдоль валуна знаменитой издевательской иноходью боксеров. И еще стал молотить по воздуху кулаками и подманывать «форварда» пальцем, мол, комон, бойс, комон, или слабо?

Те боксеры-профессионалы, которые психически послабже, на этикие вот провокации покупаются легко и быстро, кидаются вперед сломя голову и давай наносить беспорядочные, неподготовленные удары, тем самым готовя себе нокаут. Похоже, и «центрфорвард»

купился на дешевый трюк – судя по его глазенкам, превратившимся в щелочки, и по шипению, которое он издавал.

Опа! Артем кое-что заметил на земле, и это «кое-что» вмиг породило план. Рискованный, конечно, план, но... Но разве, перепрыгивая с трапеции на трапецию под куполом цирка, он рисковал не меньше? Ежедневно рисковал, заметьте...

Артем заставил себя выждать еще секунду-другую, чтобы враг подобрался поближе. Потом быстро нагнулся, загреб ладонью речного песка и швырнул в лицо набегавшему «форварду».

Кабы не выгорело – у Артема оставался еще миг-другой на то, чтобы крутануть сальто назад и избежать неприятного контакта с отточенной сталью, а потом и отбежать как можно дальше.

Но выгорело. «Форвард», вскрикнув, остановился и инстинктивно накрыл глаза свободной от меча ладонью. Правда, ему хватило соображения не тереть глаза руками. Да и вообще ни малейшего следа паники в действиях «форварда» не прослеживалось. Промаргиваясь, он принялся крутить вокруг себя мечом. Мечом этот гад, не отнять, орудовал мастерски, выкручивал такие восьмерки, что подобраться к нему безоружным и не попасть под рубящий воздух на ломти клинок было делом почти безнадежным.

Но в том-то и дело, что Артем не собирался лезть под меч совсем уж безоружным. Он поднял ранее примеченный камень – широкий, плоский, похожий на обелиск. Шагнул к ослепленному противнику, выгадал момент и подставил камень под меч.

В стороны брызнули оранжевые искры, клинок с громким хрустом сломался у рукояти. Воздушный гимнаст мгновенно закрепил успех: врезал плоским каменной «форварду» по голове слева, врезал справа, затем опустил камень на стриженую макушку. «Форвард» повалился на землю.

Трудно было сказать, жив пациент или скорее мертв. Артем не проверял, не прикладывал пальцев к жилке на шее и не подносил зеркальце к губам. Главное было очевидно – пациент надолго угодил в лесную больничку с диагнозом «сильнейшее черепно-мозговое потрясение».

Спору нет, Артем применил типичный хулиганский приемчик, Пересветы с Кочубеями и прочие ревнители рыцарского благородства его не одобрили бы. Но уж звиняйте, хлопцы, так не хочется быть разрубленным на две несоединимые половины, что благородство до поры придется сдать в камеру хранения.

Кстати, именно сейчас, над телом поверженного врага, по законам штатовских кинобоевиков Артем обязательно должен был небрежно обронить что-нибудь шутливое, афористичное вроде: «Теперь это станет твоей головной болью, приятель» или: «Не играть тебе больше в центре лесного нападения, парень». Но, увы, ничего смешного не пришло Артему в голову, и он промолчал.

Вместо этих пустяков он вытянул из-за пояса «форварда» кинжал и теперь сделался вооружен и безусловно опасен.

– Ты все еще здесь?! – Артем направился к ребенку, который так никуда и не убежал, лишь отполз ближе к ручью и теперь лежал у самой воды.

Противостояние с «форвардом», хоть и было, как кекс изюмом, насыщено событиями, однако в пересчете на минуты с секундами длилось недолго. И за это время бой у хижин стихнуть не успел. Один из вигвамов сейчас с треском и дымом пылал и возле него в дыму отчаянно рубились трое: на фольклорного карателя, отмахивающегося мечом, наседали двое защитников деревни, мужчина и женщина. Ага, старая знакомая! Та, что орудовала головешками! Теперь она орудовала двумя клинками – длинным и коротким. Трофейными, надо думать. Ну-ка, ну-ка... так и есть – возле костра лежал с разmozженной головой один из захватчиков. Молодец, товарищ женщина, молодец! Правда, следовало отдать должное и

плохому парню-карателю, он отмахивался ловко и умело, ни одного лишнего движения, взмаха и замаха.

Оглядевшись, Артем заметил двух бегущих от деревни к лесу женщин. Эх, жаль, они не прихватили с собой ребенка, наверное, не заметили из-за дыма.

Итак, что у нас выходит, займемся нехитрой арифметикой: двое партизан в ауте, один предельно занят, а где еще двое?

Ага, вот вам еще один, остальной и не последний! И откуда он только вырулил, собака? Еще один фольклорист-спецназовец выскочил откуда-то из-за вигвамов, как черт из табакерки, и с ходу рванул к Артему, причем так стремительно, будто именно в этом и заключалась его жизненная миссия.

Артем тут же включил наивысшую свою скорость. В два счета оказавшись у ручья, воздушный гимнаст подхватил на руки китайского ребенка и рванул к лесу. Это походило на регби. Одному требовалось добежать до «зачетной зоны», другому – не пустить, поймать и обездвижить. «Ну, а в зачетной зоне, то есть в лесу дремучем, мы еще поглядим, кто кого, дружище фольклорист», – подумал Артем.

Слыша за спиной сопение преследователя, Артем добежал до деревьев. На бегу он присмотрел подходящую сосну и, оказавшись под ней, по-пиратски зажал клинок в зубах, прижал к себе ребятенку одной рукой, при помощи другой руки и ног вскарабкался на дерево, забрался в гущу ветвей. Там освободил зубы от клинка, вонзил этот клинок в ствол и погрозили пальцем китайчонку.

– Сиди здесь, держись руками за сучья, никуда не уходи. Вот так держись, ферштейн, арапчонок? А дядя Бэтмен пошел биться насмерть за счастье всех детей земли.

Несчастное китайское дитя неожиданно кивнуло, будто и в самом деле что-то могло понять.

– Эх, ты, Гаврила, сиди уж, – Артем потрепал его по лохматой голове. – Ну, и где у нас там дядя преследователь?

А преследователь как раз подлетел к дереву и в бессильной ярости двинул рукоятью меча по нижней ветви, засыпав себя сухой сосновой хвоей. Затем он обежал вокруг сосны, глядя вверх, после чего вдруг сунул меч в ножны, подпрыгнул, ухватился за сук, подтянул себя, закинул ноги и тоже начал карабкаться наверх.

Вот оно как! Артем, признаться, ожидал от грозного партизана иных действий, но так будет даже лучше. Намного все упрощает. Пусть гражданин узнает, каково тягаться с воздушным гимнастом на его воздушной поляне.

Опять зажав клинок в зубах, Артем повис на суке, толкнулся ногами от нижней ветви, перелетел на соседнюю ветку. Затем стал легко перелетать на руках с ветки на ветку, обогнул дерево по кругу и, набрав скорость, вышел на заданную цель. На последнем качке Артем бросил себя ногами вперед и всадил обе ступни в грудь противника. А тот только и смог вскрикнуть удивленно перед тем, как соскользнуть с ветки и, ломая мелкие сучья, полететь к земле.

Между тем Артем, спускаясь быстро, но аккуратно, оказался внизу всего лишь секунды на две позже беспорядочно обрушившегося фольклорного гражданина. Мягко приземлившись на полусогнутые ноги, акробат метнулся к упавшему...

Артем в своей жизни никого не убивал. Его убивали, это да, и даже, можно сказать, удачно справились с задачей. Но сам он грех на душу никогда не брал. И вот сейчас, кажется, предстояло пройти причащение.

Противник, видимо, здорово шмякнулся об землю. Не исключено, что-нибудь себе сломал или вывихнул. Иначе уже вскочил бы. Однако сознание партизан не потерял, и вот он уже зашевелился... Не давая возможности подняться, Артем навалился на него. Занес руку с кинжалом...

В последний момент рука все же дрогнула. Ну, не смог он вонзить клинок в человека, даже понимая, что на кону стоит жизнь. Не так-то это просто – убить человека. Надо что-то в себе перешагнуть или быть тесно припертым к стене.

Секундная заминка стоила гимнасту инициативы. Его противник выбросил руку и сжал пальцы на запястье Артема.

Невысокий и худощавый, но силища в его пальцах была невероятная. «А что ты хочешь? – промелькнуло в голове Артема. – Этот гад, небось, упражняется в боевых единоборствах с детства и каждый день». Артем почувствовал, как его рука поддается чужой силе, выворачивается. Замысел противника был очевиден: развернуть кинжал острием на 180 градусов, левой рукой схватить врага за одежду и, рванув на себя, насадить его на клинок. Другого ничего партизану не оставалось – меч валяется в стороне, кинжал за поясом прижат коленями Артема, не вытащишь.

Артем еще ни разу в жизни никого не убивал, однако драться ему доводилось часто. Главным образом, по малолетству. Такое уж у него сложилось своеобразное малолетство – в семье проводил времени чуть ли не меньше, чем в различных коллективах. Родители-то – артисты. Когда родители отбывали на гастроли, а это случалось нередко, они отдавали Артема на месяц-другой в интернат. Вдобавок каждое лето он по три смены торчал в лагерях – сперва в пионерских, потом в спортивных. Ну, а где пацанские коллективы (а в интернатах таковые подбирались вообще откровенно хулиганские), там всегда проходило самоутверждение через кулаки. А где загородные лагеря, там всегда складывались нелегкие отношения с местными.

Видимо, опыт детско-подростковых драк сработал в нужный момент, он и подсказал, что надо делать.

Артем врезал противнику лбом в лоб... или, если угодно, по лбу. По выбритому полукругом японскому лбу. Раздался громкий стук, какой после сильного удара издают столкнувшиеся бильярдные шары. У Артема у самого полыхнуло в глазах, но главное – он вырубил противника.

Для верности он еще два раза всадил кулак в челюсть поверженного врага. И здесь немного перестарался – больно ушиб костяшки и содрал с них кожу. Впрочем, даже после контрольной кулачной *доработки* Артем не позволил себе расслабиться: быстро связал побежденному руки его же поясом, а ноги – тонкой темно-серой накидкой (эдакая удлиненная жилетка с вышитым на ней трилистником). Ну, вот теперь гражданин стал безопасен для окружающих.

– Убивать незнакомых людей следует лишь в самом крайнем случае, – пробормотал Артем, изымая у побежденного меч и кинжал.

И что теперь? Чем заняться? Идти на подмогу деревенским?

Отличное знание арифметики помогло Артему разобраться в том, что из пяти захватчиков в дееспособных осталось не больше двух. Печальная судьба троих была Артему известна, четвертого он видел, когда тот увлеченно сражался с местными жителями. Непроясненным оставался лишь последний герой. Кстати, не самый худой расклад для того, чтобы ввязываться в заварушку на чьей-либо стороне. Или все же сохранять нейтралитет, как хотел изначально, из кустов наблюдая, чья возьмет? И вмешаться лишь при угрозе очередному ребенку. Заделаться настоящим Бэтменом: слетать с кручи, выручать детей и вновь взмывать на кручу...

Но, кажется, необходимость в мучительных раздумьях отпала – Артем увидел, как из лесной чащобы к хижинам возвращаются женщины и дети. Значит, с захватчиками покончено. А стало быть, и ему, оголодавшему, настрадавшемуся страннику, можно присоединиться к победителям. Имеет право, черт возьми, заслужил героическим спасением чужих

детей. Так что деревенским придется раскошелиться на чашку самогона и плотный горячий ужин.

В деревню Артем вернулся с тремя трофейными клинками под мышкой и одним ребенком на закорках.

Догорала подожженная хижина, другая покосилась, о недавнем бое местного значения также напоминали разбросанные вещи, тряпки и утварь, разворошенный костер, воткнутый в землю меч. Ну и, конечно, убитые.

Тела трех захватчиков лежали возле костровых камней. «Форвард», которого Артем оставил живым, сейчас паялился остекленевшим взглядом в сереющее вечернее небо. Сдается, что вряд ли он скончался от естественных причин, скорее... А впрочем, что может быть естественней, чем ножевое в сердце?

Уцелевших Артем насчитал девять человек: четверо детей, включая того, что сидел сейчас на его плечах, три женщины и двое мужчин, один из которых был ранен, и, похоже, серьезно – он лежал на шкурах, обнаженный по пояс, а одна из женщин прикладывала к его окровавленному боку тряпицы и пучки травы.

Уцелевшие взрослые жители сносили тела с восточных погибших, отдавая их отсюда и на другой край деревни. Дети несли туда же охапки хвороста и сухие поленья. Артем догадался, что готовят погребальный костер. Ну да, Китай, буддизм, предание огню...

«Буддизм... А буддизм – это перерождение, – устало подумал Артем. – Мне это как-то не приходило в голову при разборе вариантов. А ведь я мог на самом деле погибнуть, но потом, как учит буддизм, возродиться...» «В другом теле, – услужливо подсказал внутренний голос, который до этого слишком долго молчал, – так учит буддизм. Например, в теле собаки или свиньи. Еще неплохо возродиться быстроногим тараканом». – «А почему уж прямо так обязательно в чужом теле? – ввязался в спор со своим внутренним голосом Артем. – Потому что Будда приказал? Но ведь и будды могут ошибаться, так же они могут нарочно вводить в заблуждение или шутить. Или могли ошибаться те, кто записывал за Буддой. Вполне возможно, Будда разрешает возродиться в своем теле, но в другом месте. Или даже... в другом времени? Да, простор для всяческих предположений открывается преогромнейший. Поэтому отложим диспут на потом, до свежей головы».

Артем снял с плеч спасенного ребенка и опустил на землю. Он уже вошел в деревню, и к нему навстречу, забросив свои занятия, поспешили деревенские жители.

– Здравствуйте, товарищи китайцы! – приветствовал их Артем. Почему бы и не поприветствовать. Вдруг тут кто по-русски волокет, например, учился в институте имени Патриса Лумумбы или работал гастарбайтером где-нибудь на российской стройке. Ну, даже если никто не волокет, не молчать же в самом деле! Или прикажете гугукать, корчить рожи и шевелить пальцами?

Ближе прочих к Артему продвинулся невысокий худощавый китаец, судя по морщинам и лысине, человек немолодой. Он низко поклонился, прижав руки к бокам.

– Мы благодарим тебя, незнакомый человек, – сказал китаец. – Ты очень помог нам. Какую награду ты желаешь получить за это?

Артем с некоторой задержкой осознал, что происходит.

А происходило невероятное – он понимал, что говорит китаец, хотя тот лопотал отнюдь не по-русски и даже не по-английски. (Некстати Артем вспомнил, что однажды нечто подобное в его жизни уже имело место. Учил, учил он в школе английский, не слишком усердно учил, признаваться, относился к этому предмету как к тяжелой повинности и уж точно не верил, что когда-нибудь живая иноземная речь станет доступна его пониманию. Но как-то, слушая буржуйское музыкальное радио, вдруг поймал себя на том, что понимает, о чем вещает англоязыкий диктор в кратком выпуске новостей. Это было весьма неожиданное и приятное открытие.)

А теперь он, выходит, начал понимать и по-китайски, которого в школе не учил и на гастролях не осваивал? Тогда логично предположить, что он может на нем и заговорить. И что для этого надо, может, всего лишь захотеть?

«Я должен переключиться на китайский», – дал себе Артем установку, после чего открыл рот и произнес:

– Здравствуй, племя молодое, незнакомое. Здравствуй... Привет... Прекрасное утро, сэр...

Он лепил первую пришедшую в голову чушь, не заботясь о смысле. И дивился тому, что творится. А творилось страшное: его язык причудливо и незнакомо изгибался, губы гнулись совершенно чужеродно, весь речевой аппарат испытывал непривычное и сильное напряжение, а рот легко покидали диковинные слова, которые были отчего-то Артему прекрасно известны. Более того – он чувствовал, что может выразить на незнакомом наречии любую мысль, любое чувство не менее адекватно, чем на великом и могучем.

Артем потрясенно замолчал.

– Мы рады будем отблагодарить тебя, незнакомый человек. Всем, чем сможем, – китаец еще раз поклонился и довольно долгое время продержал себя в согнутом состоянии. Согнулись в поклоне и все остальные участники диковинной встречи в деревеньке у ручья.

Черт-те что!

– Где я, в какое место я... забрел? – спросил Артем только ради того, чтобы услышать свой голос, услышать ответ и убедиться в том, что все обстоит так, как обстоит, и нет никакой ошибки, что все это происходит наяву, а не в кошмарной компьютерной игре!!!

– Это обращенный к восходу один из склонов гор Хида. В двух ри отсюда начинаются земли даймё Нобунага. Хотя даймё Нобунага считает своими и эти горы, – вот так ответил китаец.

«Китаец ли? – появились у Артема некие сомнения. – Подозрительное словечко „даймё“, совсем не китайское имя Нобунага, форма мечей, прически, какие я наблюдал у четырех из пяти меченосцев, – с волосами, собранными в пучок на затылке. В этом как-то мало китайского. И еще лица... На китайские лица в последние дни я насмотрелся предостаточно, так вот тип лица у всех тутошних граждан чем-то неуловимо отличается. Черты китайского лица резче, что ли». Но доискиваться правды не хотелось. Артему стали вдруг глубоко по барабану все эти даймё, мечи и горы. Силы покинули его как-то разом, будто из бочки с силами выбили затычку и они, эти силы, хлынули прочь пенистой струей.

– Это самураи Нобунага, – собеседник Артема показал в сторону лежащих у костра тел. – Увы, один из самураев скрылся, и завтра сюда придут другие. Поэтому на рассвете мы уходим. Тебе, незнакомец, тоже отныне придется опасаться гнева самураев Нобунага.

Как компьютер от перегрузок «виснет», чтобы не перегреться и не сгореть, так и Артем почувствовал, что «зависает» от событийного перебора. Слишком много всего сразу свалилось: перенос, Китай-Некитай, бои местного значения, даймё и мстительные самураи. Мозгу хотелось полного покоя. Мечи, что Артем держал под мышкой, вмиг потяжелели, будто к ним подвесили гири, глаза стали сами собой слипаться, в голове за клубился усыпляющий туман. Такое неодолимое желание немедленно уснуть обычно одолевает, когда выкушаешь двойную порцию снотворного или не поспишь суток так двое-трое.

– Говоришь, какую награду я желаю получить? – Артем прикрыл глаза и пальцами помассировал глазные яблоки. – Да, кое-что желаю получить. Желаю скинуть мокрую одежду, забраться под теплые шкуры и спать, спать, спать. Хотя бы до рассвета. Договорились?

– Да, все будет, как ты пожелал, – сказал китаец-или-некитаец, опять кланяясь.

«А проснувшись, желаю вернуться в родной цирк, к его вечной суете, к запахам зверинца и к продажным клоунам», – добавил про себя Артем. Добавил, разумеется, на чистом русском языке...

Глава четвертая МЕНЯ ЗОВУТ ЯМАМОТО

Благодаря постоянной работе над собой человек приводит все части и способности своего тела в такой образцовый порядок и в такую гармонию с самим собой, что получается полнейшее превосходство духа над телом.

Иназо Нитобэ

Не будь Артем голоден, как тысяча гимнастов, глядишь, и поостерегся бы брать незнакомую пищу из чужих рук. Но голод сильнее осторожности, господа, и Топильский уплетал завтрак за обе щеки. И слушал. А кормили его поутру блюдами заморскими, диковинными, не узнаваемыми ни глазом, ни органами осязания.

Среди всего он, представьте, узнал лишь рыбу. Да, да, из всего того, что находилось в мисках, плошках и в котле, он узнал лишь рис и рыбу. Причем рыбу он распознал не по внешнему виду, а по едва уловимому за специями вкусу. И даже от неожиданности поинтересовался у старика, где же ее наловили, не в море ли?

Собственно, никакой он был не старик. И пусть европейскому человеку всегда приходится нелегко в определении возраста людей азиатской расы, Артем никак не дал бы своему нынешнему собеседнику больше пятидесяти. А какая же в пятьдесят старость?

– Рыба из реки, – Такамори показал на ручей.

– Ого, кто б мог подумать! – Артем не стал скрывать искреннего удивления. – Я б на месте рыбы в такой реке не водился, несолидно. А как далеко отсюда до моря, Такамори?

– А до моря отсюда три дня пути на закат, – сказал старик Такамори.

Ну, вот тянуло называть его стариком, и ничего с собой Артем не мог поделать. Может быть, оттого что Такамори был значительно старше Артема и старше всех своих оставшихся в живых соплеменников. А может быть, оттого что раз попал на Дальний Восток, значит, рядом обязательно должен объявиться старенький мудрый учитель, который приобщит к таинственному древнему Знанию и при этом замучает жестокими физическими упражнениями.

– А какой сегодня день, Такамори, что-то я запамятовал? – спросил Артем, не сразу подцепив двумя оструганными палочками подозрительный желто-зеленый шар и не без трепета отправив его в рот.

– Сегодня второй день полной луны, – ответил Такамори.

Вот что происходило на рассвете и вот какие разговоры при этом велись. Ночь Артем проспал как убитый. Впрочем, сна Артем, можно так сказать, и не почувствовал: закрыл глаза, куда-то провалился и тут же вынырнул. А вынырнув, обнаружил, что в родные цирковые края так и не вернулся, что по-прежнему находится в дикой лесной деревеньке, лежит на циновках внутри хижины под пахнущими зверем шкурами. В общем, фокуса-покуса «опля и обратно дома» не вышло...

Стоило Артему открыть глаза и приподняться на локтях, как от него тут же кинулась прочь и юрко выскочила из хижины невысокая худенькая азиатка, на вид совсем девчонка. Побежала, сверкая голыми пятками и лодыжками, громко крича:

– Гайдзин проснулся!

Даже не владей Артем нынче удивительной способностью понимать по-чужеземному, он бы перевел для себя слово «гайдзин». Вопреки расхожему представлению о циркачах как о тугодумных дуболомах, способных лишь на дурацкие фокусы и кривлянье, цирковые – люди все же не совсем пропащие. Книг они читают, может быть, даже больше, чем средне-

статистические граждане, потому как меньше смотрят телек, а больше времени проводят в дороге, коротая ее за чтением; кругозор у них не так убог, как у некоторых; иностранные языки изучают с удовольствием, а уж не знать английский в цирковых кругах считается просто верхом неприличия; в театрах они бывают, выставки и концерты посещают, из кинофильмов смотрят не только те, что с участием Юрия Никулина; да и круг общения у них не ограничен стенами шапито. Короче говоря, Артем и без новых способностей знал, что слово «гайдзин» по-японски означает «неяпонец» и содержит в себе помимо констатации печального факта также несколько самых разнообразных оттенков: пренебрежения, насто-роженности и даже где-то сдержанного восхищения. Короче, сложное слово, передающее непростое, мудреное отношение японцев к чужакам.

Что он каким-то макарон угодил в Японию, а не сохранился в солнечном Китае – это Артем уяснил еще вчера вечером, услышав про даймё и самураев, и только усталость не позволила довести мысль до логического финиша. Утром же, на свежую голову, услышав емкое слово «гайдзин», он осознал во всей полноте и прямоте, что отныне владеет самым натуральным японским языком, а не каким-нибудь там китайским или старомонгольским. И теперь он, бывший воздушный гимнаст и российский гражданин, знает, что черепаха по-японски «камэ», малиновый – «куренай», а короткий меч (а вовсе не кинжал), который вчера держал в руках, зовется «вакидзаси» и еще много чего другого знает и понимает. Причем он способен не только без труда переключаться с языка на язык, но и, возникни такая охота, может даже думать по-японски.

Более того, Артем обнаружил, что он стараниями неведомой силы обучен иероглифическому письму. Вот дай ему сейчас карандаш, вручи клочок бумаги, и он сможет с помощью хитрых японских закорючек выразить чуть ли не любую мысль, составить деловое письмо и даже объясниться в любви к женщине или к Японии, к его новой, получается, родине. Во какие дела!

Это что ж получается?! Получается, как с теми же иностранными языками, которые все мы изучали в школе и вроде начисто потом забыли. Но нет, на самом деле мы ничего не забыли, просто знания за ненадобностью осели на дно памяти, опустились, так сказать, в сероклеточный ил – так невзорвавшиеся мины Второй мировой опускаются на дно океана, где и ждут своего часа. Но стоит только чем-то расшевелить память, допустим, погружением в языковую среду, и вы быстро вспомните все то, чему вас учили в школах и институтах, заброшенные знания всплывут на поверхность ума – точно так же мины Второй мировой нет-нет да и поднимаются с илистого дна океана, чтобы стукнуться о днище мирного панамского сухогруза.

Вот что открыл в себе Артем, когда проснулся и лежал голый под теплыми шкурами.

– Твое кимоно, незнакомец, вышедший из леса, и твои таби.

Впорхнувшая в хижину японка опустилась на колени и с поклоном – в поклоне лбом едва не коснувшись пола – положила рядом с Артемом его трико с блестками и его тапки-«акробатки».

«А откуда, интересно, у вас еще мог выйти незнакомец, как не из леса», – мысленно пробурчал Артем, вслух же поблагодарил «Спасибо, мисс» и стал дожидаться, когда она выпорхнет наружу. Но японочка не спешила упархивать, сидела на коленях, опустив глаза. «Вчерашняя или не вчерашняя, – задумался Артем. – Та, что фехтовала головешками, или не та?» М-да, не столько времени он еще провел в дальневосточной Азии, чтобы все представители желтой расы перестали быть для него на одно лицо. Тем более что его нынешняя гостя одета была в штаны и куртку из черной материи – давеча, помнится, никто из деревенских не был так одет. Видимо, это их походная одежда, они ведь, помнится, собирались на рассвете покидать опасные места.

– Как тебя зовут, прелестное дитя? – спросил Артем, тут же подумав, что с дитем он перестарался – его гостя явно уже перешагнула порог совершеннолетия.

– Омицу, – сказала девушка, глаз не поднимая.

«А как же зовут меня? – задумался Артем. – Как-то ведь надо представляться. Родным именем? Но ведь не смогут выговорить, начнут коверкать, а я – получай нравственные мучения. К тому же еще придется прикреплять к имени и биографию, когда начнут допытываться, откуда ты, милоч, из каких будешь, да где жил-поживал до своего ухода в леса? Не лучше ли на всякий случай назваться на японский лад? Пожалуй, лучше. Ну, и какие из японских имен мне известны?» На ум сразу, будто они того и ждали за дверцей памяти, пришли Акиро Куросава и Киндзабуро Оэ. Артем их отверг с порога. Тогда в мозговом проигрывателе зазвучала песня, памятная по юности:

Фудзияма – не яма, гора
Над священной и бурной рекой.
Ямамото – такой генерал.
Харакири – обычай такой.

Не долго думая, Артем сказал:

– Меня зовут Ямамото. И я хотел бы одеться, а я, о прелестная Омицу, привык это делать без посторонних глаз.

– Ямамото-сан ничего больше не нужно?

В ее вопросе Артему почудился легкий налет двусмысленности. «Давай, парень, не теряйся! Действуй, ковбой!» – тут же оживился внутренний голос и невидимой внутренней рукой толкнул в невидимый внутренний бок.

Нет, решил Артем, не стоит пришпоривать события. Потом надо сперва разобраться в местных нравах и обычаях. А то не ровен час позволишь себе немного лишнего и тут же получишь полдеревни кровников.

– Благодарю, мне ничего больше не нужно, – с достоинством отвечив Артем, сопроводив слова легким, аристократическим наклоном головы. Ну, и ничего в результате больше не получил, ну, кроме разве затребованного благородного одиночества.

Когда гимнаст Топильский выбрался из-под шкур, то обнаружил очень малоприятную вещь: его знобило. И легкое першение в горле, на которое он сперва не обратил внимания, теперь превращалось в еще один симптом. До простуды, конечно, пока далеко, но нет никаких сомнений в том, что простуда прокралась в его измученный приключениями организм и к вечеру предъявит себя во всей красе – температурой, кашлем и соплями.

Ая-яй-яй, как некстати! Отлежаться никто не даст, и вообще весь его нехитрый выбор сводится к тому – идти вместе с деревенскими к месту новой стоянки или шнырять по горам и лесам одиноким волком. Шнырять не тянет, придется идти с коллективом, куда поведут. Слечь в дороге будет совсем не в масть, стало быть, необходимо срочно прибегать к радикальным мерам.

– Клинь клином вышибают, – проговорил Артем, одеваясь. – Не впервой.

Он выскочил из хижины, содрогнулся от холодного утреннего воздуха и припустил вдоль ручья. Забежав подальше в лес, скинул с себя одежду, решительно выдохнул и забрался в ручей. Лег на каменистое дно, раскинув руки, дал холодной воде омыться себя, журча и бурля. Глубиной сей водный поток похвастать не мог, но Артем и не топиться к нему пришел. Ему необходим был всепроникающий холод, и этого добра он получал сейчас сполна.

Опасное это дело – с болезнью в организме плескаться в холодной воде. Но такая процедура лучше прочих процедур активизирует резервные силы организма и швыряет их в бой за здоровье. И тут, как во время сражения, когда бросаешь в пекло засадный полк: или враг

повержен и бежит, или загублен последний резерв, что означает полное и безусловное поражение. Короче говоря, если не уверен в силах своего организма, лучше в это сомнительное мероприятие не ввязываться.

Артем перевернулся с живота на грудь, выгнулся, приподняв над водой голову. Перед глазами разбегались пенные струи, поток, пузырясь, огибал серые камни, течение уносило к впадению в неведомые реки и озера сухие листья, щепки и хвою.

– Терпеть, терпеть, – шипел сквозь зубы гимнаст, – терпеть, акробат. Терпеть, что по-японски «оса»...

Он терпел эту пытку, покуда холод, прокравшись по позвоночнику, не забрался под черепную коробку и не принялся там хозяйничать, вымораживая последние извилины. Тогда Артем взметнулся из ручья, как сам морской змей из пучины. И понесся по лесу быстрее напуганного выстрелом оленя. Одежку он, разумеется, оставил лежать на берегу, чай, здесь не городской пляж – не сопрут.

Выбежал на поляну, где незаметно было камней и не валялись повсюду сучья, и принялся носиться по ее периметру на скорости, близкой к рекордной для стометровок. А потому что не придумано средства для сугреву лучше, чем сумасшедший бег.

«Почему-то я воспринимаю происходящее как-то уж очень спокойно, чуть ли не как само собой разумеющееся, чуть ли не этого и ждал от жизни, – вот о чем размышлял Артем, наматывая круги по поляне. – Наверное, следовало охреневать от всех этих сюрпризов судьбы как-то более бурно. Хвататься за сердце, заламывать руки, восклицать то и дело: „Не может быть! Не верю!“ и тэдэ... Но почему-то не бурлят эмоции, хоть ты тресни».

А еще Артему не давали покоя все эти мечи, даймё с самураями, вся эта здешняя допотопщина от вигвамов до утвари и полное отсутствие каких-нибудь примет цивилизации вроде фантиков от чупа-чупсов, ржавого железа или сломанных телевизоров. Как-то все вокруг сильно отдавало махровым феодализмом. «А если все это инсценировка?! – посетила вдруг дикая мысль. – Большой сволочной розыгрыш?»

Естественно, на ум тут же пришла телепрограмма «Розыгрыш», способная на все, на любую дикость. Но Артем все же не столь знаменит, чтобы грохать на него такие деньжищи, все же он не Киркорова и не Пугачев, а для какой-нибудь малобюджетной «Скрытой камеры» это слишком затяжное мероприятие, напроць лишненное тупого казарменного юмора, столь любимого «скрытокамеровцами»...

И ведь потом здесь вчера всерьез убивали друг друга. Возможно ли такое инсценировать? И сам Артем хотя никому голову не снес, но ведь мог же это сделать! Какое уж тут телевидение...

«Послушай меня, дурень! – напомнил о себе внутренний голос. – А японский язык, который у тебя прорезался? Будь ты хоть чуточку поумней, давно уже должен был обратить внимание на одну его особенность. Ох уж мне эти циркачи, вечно они...»

«Не отвлекайся!» – Артем усложнил бег по кругу прыжками и ускорениями.

«Давно должен был обратить внимание, что в загнанном в тебя, как в барана, языке нет словечек типа холодильник, стиральная машина, пистолет, пулемет, ракетно-ядерный комплекс...»

«Погоди, я понял. Да, ты прав, тут есть над чем подумать. Вполне возможен гипноз».

«Идиот!» – взревел внутренний голос. Но разойтись ему не дали – Артем отключил все внутренние беседы, сосредоточившись на физупражнениях.

Разогнав кровь марш-броском до состояния кипящего потока, Артем взлетел на дерево и стал подтягиваться на суке. Подтягивался до темных кругов в глазах, потом качал пресс до тех же кругов. «Устал качать? – спросил он сам себя. – Тогда еще десять кругов по поляне, ходьба „гусиным шагом“ и сотня приседаний. Вперед, боец! Форева!»

Через полчаса издевательства над собой не осталось ни одной неразогретой мышцы, ноги, руки гудели, как трансформаторные будки, кровь носилась по жилам огнемётными струями. Артем бегом вернулся к ручью, надел тапки, подхватил ком одежды и совершил последний на сегодняшнее утро забег – до поселения. Оделся он только перед тем, как выйти к людям из-за деревьев.

Теперь требовалось срочно закутаться в теплое и плотно позавтракать, запивая горячую еду обжигающим чаем. Еще неплохо бы принять внутрь граммов сто чистого спирту или граммов двести водки с перцем, но откуда тут эдакое богатство!

Между прочим, когда Артем убегал, селяне вовсю собирали манатки, а когда вернулся – они уже свернули пожитки в большие тюки, продели через них шесты, чтоб удобнее было нести на плечах, они даже успели демонтировать хижину, в которой Артем ночевал. Впрочем, активные приготовления никоим образом не сказались на оказанном дорожному гостю приеме.

Дорожному гостю по его просьбе выдали меховые штаны до колен и меховую душегрейку. А старик, назвавший себя Такамори, вручил дорожному гостю куртку и штаны из черной материи:

– Если хочешь, Ямамото-сан, сними свою одежду и надень это. Пойдешь ты с нами или уйдешь своей дорогой – в этой одежде телу будет теплее.

Размышлять тут было не над чем – поблагодарив за подарок, Артем надел черные куртку и штаны поверх трико. Для сугрева натянул поверх еще меховую безрукавку и меховые штаны. Он решил, что будет разоблачаться постепенно: после завтрака перед вступлением в поход снять верхний, меховой слой, а на первом привале скинуть трико, которое к тому времени, думается, насквозь пропотеет.

Артем еще и переобулся в поднесенные ему меховые мокасины, которые старик Такамори назвал «цурануки». А гимнастические тапки свои Артем выбрасывать не стал – не так уж много предметов оставались ему в память о покинутой Родине, чтобы ими разбрасываться.

Вот после всех этих переодеваний его и посадили завтракать. Миски, плошки, котелок расставили на циновке, гостя посадили на тюк с приготовленным в поход барахлом. Вокруг дорогого гостя суетились чуть ли не все жители деревни. «Мы уже поели», – говорили ему, поэтому Артему пришлось трапезничать в одиночестве.

Как и собирался, Артем начал с того, что поинтересовался у Такамори насчет алкоголя:

– У вас, надеюсь, в лесах не установлен сухой закон? Не понимаешь? Выпить мне надо для здоровья, Такамори-сан.

– Чай, – Такамори показал на дымящуюся чашку.

Артем поднял чашку, понюхал содержимое зеленоватого цвета – пахло можжевельником.

– Это хорошо, конечно, и, наверное, обалденно вкусно. Но я не об этом, Такамори-сан. Как у вас тут в лесах обстоит с алкоголем? – для ясности акробат пощелкал себя по горлу.

Его не поняли.

– Шнапс дринкен. Карашо! – Артем сделал интернациональный жест: поднятый вверх большой палец и отогнутый мизинец.

Не сработало.

– Водка, спирт, жженка? Самогон, брага? – Артем глядел в эти глаза напротив, в коих наблюдалось полное непонимание проблемы, и ему становилось все тоскливее и тоскливее. Он продолжал лишь по инерции, не в силах сразу взять и затормозить на этом скользком шоссе: – Джин энд тоник. Текила, джаз. Виски, коньяк, арманьяк, пиво-воды. Сакэ, наконец...

Разумеется, получив законный повод поехидничать, артемовский внутренний голос своего не упустил: «С последнего и следовало начинать, голова! Ты же вроде пришел к выводу, что находишься в Японии. Где Япония, там сакэ – простейшая цепочка для перво-классников. Да-а, цирк, он и есть цирк». Честно говоря, Артему чуть ли не впервые нечего было возразить внутреннему голосу.

– Сакэ, – закивал Такамори. – У нас нет сакэ. Сакэ ты можешь найти у людей внизу.

– У людей внизу, – механически повторил Артем. – Понятно. Это далеко.

Ну, и пришлось в результате завтракать, можно сказать, всухую.

Еду Артем доставлял ко рту выданными ему палочками – оструганными, квадратного сечения, которые по-японски именовались «конго». Вот ей-ей, будь он похуже воспитан, брал бы пищу руками. А то много этим «пинцетом» нехватишь, куски так и норовят выскользнуть из захвата и, понятное дело, иногда выскальзывают. Поэтому приходилось быть начеку и держать под палочками сложенную ковшом ладонь или подносить ко рту вместе с палочками еще и плоскую.

Увидев, что гайдзин совершенно не умеет обращаться с конго, Такамори показал, как это правильно делается: первую палочку кладешь одним концом в ямку между указательным и большим пальцами, опираешь средней частью на безымянный палец, другую палочку держишь большим, указательным и средним пальцами. Вот и вся наука, садись и кушай. Только от знания до ловкости рук путь долог, тут тренироваться нужно.

Конечно, Артем сегодня не впервые взял едальные палочки в руки. Или он что, повашему, никогда не заходил в китайские рестораны? Но, как и большинство посетителей этих заведений, пять минут побаловавшись с экзотической для русского человека фигней, он возвращался к более разумным столовым приборам – ложкам да вилкам. Благо, в рестораниках можно было выбирать. Здесь же выбора не было...

(Видимо, не что иное, как сочетание слов «еда» и «выбор», навеяло воспоминание о том, как он впервые оказался в интернате. В столовке его стали высмеивать за то, как он ест. По мнению интернатовских, ел он чересчур культурно – «это тебе не ресторан», «ест, как девчонка», «выпендривается». Тогда для Артема нарисовался такой выбор: или, произнеся что-нибудь вроде «да я просто шучу, ребята», водрузить локти на стол, загреметь ложкой о тарелку, зачавкать в унисон, то бишь попытаться вовремя осесть и не торчать выше всех на грядке, или пойти на конфликт типа «а я вот такой и буду делать, как считаю нужным, и плевал я на ваши подколки, а кто будет подкалывать, получит в морду».

Артем выбрал конфликт. Не иначе, сказалось запойное чтение книг о мушкетерах и всяких рыцарях Айвенго. Началось, как водится, с обмена словами. Слово за слово, компотом в лицо, и грянула большая потасовка, где на одного навалились кучей.

Тогда Артем впервые последовал совету дрессировщика дяди Миши. А тот советовал следующее: «У зверей зачастую побеждают не самые сильные и не самые рогатые. Это я тебе как спец говорю. У каждого зверя тоже есть свой характер, и чей характер пересилит, тот и заставит других завилать хвостом, прижать уши и поползти назад на согнутых лапах. А характер силен решимостью идти до конца. Зверь понимает, когда наталкивается на противника, готового биться, пока не издохнет, биться даже тогда, когда кишки выпущены наружу, из последних сил пытаться вонзить зубы в врага. А человеки такую решимость и подавно чувствуют. Так вот, парень, большинство что зверей, что человеков одна такая решимость пугает, останавливает и заставляет пятиться. Потому как мало кто из тех, что затевают и ввязываются в драку, готовы не красоваться, а биться по-настоящему и идти до упора».

Артем в тот день бился, как зверь из дяди Мишиного поучения, и готов был биться до конца – пока не потеряет сознание. Но до крайности не дошло. Спасовали интернатовские, отступили. Конечно, досталось ему тогда хорошо, но зато после этого никто и нико-

гда Артема высмеивать не пытался. Наоборот – зауважали. Сколько ж лет ему было тогда, десять или одиннадцать?)

Может быть, Артем еще глубже забурился бы в воспоминания, но этому помешал старик.

– Мы уходим, – сказал Такамори. – Скажи мне, Ямамото, ты идешь с нами?

– Да, я иду с вами, Такамори, – сказал Артем.

– Это хорошо. Второй мужчина – это большая подмога. Раненый Якиро ночью умер, я остался один. – Такамори встал. – Нам уже пора уходить, Ямамото.

– Уходить так уходить, пора так пора, – не стал возражать Артем, который уже давно ел через силу. – Далеко пойдем?

– В Долину Дымов. Нам предстоит идти день и еще полдня.

– А про долину этот ваш даймё не знает? – Артем с облегчением отложил конго – с непривычки у него от этих палочек аж заболела кисть.

– Я расскажу тебе об этом после, Ямамото, – пообещал старик. – И о даймё, и о том, что он знает, и о том, почему он преследует нас. Сейчас некогда, пора уходить...

Вскоре после того, как были произнесены эти слова, они выступили. Взвалили на плечи поклажу и тронулись в путь. Шли, растянувшись цепочкой, а чтобы говорить, надо идти рядом, поэтому молчали. К тому же когда тащишь груз по пересеченной местности, да иногда еще и в гору, быстро становится не до душевных бесед.

Первым шел Такамори. Видимо, он был главным знатоком дороги в Долину Дымов. Шагал он, во всяком случае, уверенно, будто старый турист проверенным маршрутом, хотя даже мало-мальского намека на тропинку не наблюдалось, перли исключительно по пересеченке.

Вереница навьюченных тюками людей петляла по лесу, огибала овраги, осыпая вниз мелкие камни, по камням и вброд переходила через реки и ручьи, карабкалась в гору, проходила ущельями, перешагивала поваленные ветрами стволы, иногда продираясь через целые завалы. «Со стороны мы – типичный наркокараван, – подумал Артем. – Кучка желтолицых гуков и прибившийся к ним белый авантюрист делают свой маленький, грязный бизнес. Эхехе... Идет вперед мой караван, везет гашиш для разных стран».

Проходил час за часом. Артем начинал потихоньку выматываться, а чертовы японцы вышагивали как заведенные. Как взяли ритм, так и выдерживали его как ни в чем не бывало. Топали размеренно и неумоимо, ни дать ни взять маленькие киборги или зайцы с барабанами из рекламы про чудо-батарейки, заряд в которых никак не может закончиться. Никто из них – ни старик, ни женщины, ни дети – не шатался, не падал, не кричал «брось меня, брось», не плакал «я больше не могу», не нудил «давайте, граждане, передохнем хотя бы минутку, ну пожалуйста, а?». Вот ведь выносливая нация, гвозди бы делать из этих людей!

За время перехода новые знакомые сумели несколько раз по-настоящему поразить воздушного гимнаста. Когда путь преградила довольно широкая расщелина, предводительствуемые Такамори японцы не стали искать обходных путей. Караван остановился, из тюка была извлечена длинная веревка с привязанной к ней железной четырехконечной «кошкой». «Кагинава», – оказывается, Артем знал, как называется это приспособление.

Кошку... пардон, кагинуву раскрутила над головой Омицу и забросила на ту сторону расщелины. Первый бросок не удался, пришлось выбирать веревку и бросать снова. На четвертом броске крючья зацепились за скальные неровности, схватились крепко – в этом убедились, с силой дергая веревку, – теперь можно было и переправляться. Первым на ту сторону расщелины, действуя с завидной ловкостью, перебрался самый легкий из японских детей. Пока по именам никого из детей Артем не знал, как не знал он, кто из них мальчик, кто девочка, – на вид совершенно одинаковые, подстрижены или, вернее будет сказать, обкорнаны явно одним парикмахером и одними ножницами (а скорее, просто кинжалом или

ножом), ярко выраженные половые признаки по причине крайней младости лет отсутствуют, поди тут разберись. Только спрашивать. А спрашивать пока было некогда – привалов не делали, а в дороге, как было уже сказано, не до разговоров.

Лесная жизнь приучила этих людей к экономии. Например, приучила не разбрасываться веревками. Поэтому, прежде чем отважный ребенок отправился через расщелину, в скалу вбили железный штырь с петлей на конце, пропустили веревку сквозь петлю и второй, свободный, конец веревки ребенок потащил за собой. После того как переправится последний из группы, оставалось лишь отвязать один конец и вытащить веревку. Конечно, со штырем придется проститься. Ну, так ведь оно всегда и во всем – чем-то приходится жертвовать.

Ребенок, оказавшись на той стороне, закрепил «кошку» и второй конец веревки уже совсем надежно, и следом через расщелину переправились все остальные. И ловко, однако, у всех у них выходило. Что у детей, что у женщин. И никакой тебе паники, никаких визгов. Можно биться об заклад – не впервые они занимаются этим экстремальным спортом. Между прочим: хотя по глубине расщелина вряд ли дотягивала до гордого звания бездны, но ежели сорвешься вниз на острые камушки – костей не соберешь, это уж к бабке не ходи.

«Повезло, ребята, что к вам угодил цирковой гимнаст, – думал Артем, перебирая по веревке руками и ногами. – Будь на моем месте человек какой-нибудь мирной профессии, допустим, ученый-муховед, пришлось бы вам, бравым японцам, основательно с ним повоюиться».

Точно так же, когда потребовалось взобраться на отвесную скалу, чтобы сократить путь, японцы прекрасно справились и с этим. Первой восхождение совершила девушка, на вид чуть постарше Омицу. Она надела на три пальца левой и на три пальца правой руки нэкодэ, то есть перстни-когти, а на ноги – деревянные дощечки с шипами, или, выражаясь по-японски, асико. При помощи этих нехитрых, но весьма полезных приспособлений, ну а в первую очередь при помощи удивительной гибкости и ловкости альпинистка в два счета одолела скалистый склон высотой в добрых метров тридцать. На вершине она размотала веревку, завязанную вокруг пояса, закрепила один конец наверху, другой сбросила вниз. Подъем, а равно втаскивание наверх поклажи прошли успешно, без происшествий и осложнений. И еще раз поразился Артем той невозмутимости, с которой эти люди исполняли рискованные трюки. Будто самую что ни на есть будничную работу – как для другого в магазин сходить или помыть посуду. И едва все они оказались на вершине скалы, как подняли тюки, встали и пошли, не заикаясь об отдыхе. Ну, и Артему как-то неловко было заводить разговор о привале, хотя он уже и начал к тому времени понемногу уставать...

Наконец-то все же остановились на привал. Ели молча, раскрывать рот для чего-то, кроме еды, сил не было. Поев, еще полчаса полежали, Артем даже умудрился заснуть, а после снова тронулись в путь.

Лишь когда мир стал сереть в преддверии сумерек, они встали на ночь лагерем, размотали тюки, сноровисто составили шесты и натянули между ними шкуры – спать предстояло, видимо, всем вместе вповалку. Артем помогал новым друзьям, чем мог: завалить сухое дерево, подтащить его к стоянке, нарубить дровишек потешным маленьким топориком, поддерживать попутчиков веселой шуткой, сходить к ручью вместе с Омицу, помочь набрать и донести полный котел воды.

«Между прочим, я мог бы оказаться в этих краях и раньше, – пришло в голову Артему, когда он собирал хворост. – Ведь полгода назад я только случайно не поехал на гастроли в Японию».

Гастролировать по заграницам он начал недавно – года полтора назад. А до этого мотался по провинциям необъятной Родины. С поездками в зарубежье в их цирке все обстояло в точности так же, как и во всех регулярно мотающихся за бугор творческих коллективах. Ехать хотели все, а все были не нужны. Поэтому за поездки бились яростно. Было за

что биться: смотришь мир и еще при этом в кои-то веки загребаешь настоящую деньгу – в зарубежных гастролях простым цирковым капало от ста до ста восьмидесяти евро в день. Три месяца таких гастролей – и уже не так страшна ежемесячная зарплата в десять тысяч русских рублей.

Путей, чтоб стать «ездовым», насчитывалось немного: или стать незаменимым, или добиваться цели интригами. Артем выбрал себе первый путь – и на душе спокойней, и врагов меньше наживешь. Зато пришлось, конечно, долго прождать своей очереди. Дождался все-таки.

Но вот с Японией не повезло. За несколько дней до отъезда очень тяжело заболела тетка, после матери ставшая самым близким Артему человеком. Уехать он никак не мог, пришлось остаться, благо, что потеря одного человека для их номера была не смертельной.

Из сегодняшнего дня Артему та история вдруг показалась подозрительной. Может, тут не обошлось без мистики и это какие-то силы зачем-то не пустили его сюда? «Э-э, да ты точно начинаешь потихоньку сходить с ума на почве полного слияния с природой, – укоротил сам себя Артем. – Какая к ляхам мистика! Хотя... Мое попадание сюда вряд ли входит в перечень дел насквозь рядовых и житейских».

Впрочем, запутаться в противоречивых мыслях Артему не дали – сели ужинать.

Ужин для каждого состоял из горстки риса, каких-то вареных корешков и комка липкой массы неприятного цвета. «А ведь, похоже, они мне на завтрак скормили все свои деликатесы, – вдруг догадался Артем. – Оставив себя ни с чем, устроили мне королевскую трапезу. А я и рад был стараться, набивал брюхо, как на конкурсе журунов». Но не навернулись у Артема слезы умиления, не свело спазматически горло, не затрепетало растроганное сердце. Наоборот, он подумал, что вполне заслужил такое к себе жертвенное отношение. Ведь не вмешайся он в битву при деревне, для этих людей все могло закончиться весьма плачевно, как-никак Артем изничтожил аж двух захватчиков, то бишь без малого половину вражьего отряда. Он рисковал жизнью ради них – они отдали ему свою самую лучшую, самую сытную еду. Где-то так и должно быть по законам мирового равновесия и в согласии с гармонией всего сущего.

Весело и уютно трещали в огне сухие поленья. После ужина они с Такамори потягивали у костра можжевельный чай. «Между нами, отвратительный чай, друг Такамори, помои, а не чай», – так мог бы сказать Артем, будь он дурно воспитан. Но Артем ничего не говорил, он прихлебывал чаек и слушал. А говорил Такамори:

– Одни называют нас «ямано-хидзири», для других мы «сидосо-гёдзя», а некоторые зовут нас «яма-буси». Вижу по твоим глазам, Ямамото, что тебе незнакомы эти слова¹. Тогда я расскажу тебе обо всем по порядку.

Мы ведаем, что когда-то наши учителя перебрались к нам по морю из Китая. Это было очень и очень давно, Ямамото, еще во времена, когда Китаем правила династия Тан. А кто там правит сейчас, я не ведаю, быть может, это ведомо тебе. Мне лишь ведомо знание, полученное мною от отца, которое тот получил от деда, а тот...

– Понятно, – сказал Артем.

– Люди родом из Китая, почитаемые нами как первые учителя, – продолжал Такамори, – были буддийскими монахами и называли себя «люгай». Они принесли с собой в страну Ямато учение «Лю-гай мэнь», что в переводе с китайского означает «Врата Истины». Они бродили по Островам и открывали «Врата» перед всеми, кто того желал. Увы, зерна, что они бросали в нашу почву, прорастали плохо, всходы приживались с трудом, – так иные

¹ Старик Такамори был не вполне прав – да, эти слова Артем слышал впервые, но значение их понимал: «яма-но-хидзири» (горные мудрецы), «сидосо-гёдзя» (сидосо – странствующий монах, гёдзя – отшельничество), «яма-буси» (спящие в горах, другое прочтение иероглифа – горные воины).

деревья, привезенные из далеких стран, не желают расти под другим, чужим для них солнцем. Но все же, если зерно всходит, дает побег, если саженец намертво вцепляется корнями в почву, сливается с ней в единое целое, если саженец выдерживает все непогоды, то дерево вырастает могучим, жизнестойким, и оно даст новые сильные семена. То, что я сейчас сказал, я сказал об Энно Одзуну, об Учителе, Открывшем Глаза.

Энно Одзуну был сыном знатного и богатого человека, он мог бы прожить жизнь в сытости и неге, но выбрал путь исканий и постижений, а этот путь не может быть гладким и бестревожным. Сперва Энно Одзуну ушел в буддийский монастырь, но пробыл там недолго – ни исконный буддизм, ни монастырская жизнь не ответили на мучившие его вопросы. Тогда он покинул монастырь и долгое время странствовал по Островам вместе с китайскими монахами-«люгай». От них он узнал все об учении «Люгай мэнь», но и оно не овладело его сердцем целиком и оставило без ответов многие вопросы. Тогда Энно Одзуну покинул монахов-«люгай» и отправился к жрецам синто, которые научили его говорить с духами, обитающими в горах и в лесах. Однако его собственный дух тоже не обрел желанного покоя, его дух продолжал стремиться к чему-то. Тогда Энно Одзуну стал отшельником.

Такамори подлил себе чаю из стоявшего на углях котла, поднес ко рту сжатую в ладонях чашку, подул на горячую жидкость. Другие члены, как бы выразился Винни-Пух, экспедиции уже спали в шалаше. Из женщин не спала только Омицу, она тоже сидела возле огня, чуть отодвинувшись в темноту, и слушала мужскую беседу.

– Энно Одзуну стал жить в пещере, расположенной высоко в горах, рядом с водопадом. Как полагалось буддийскому монаху, он начинал свой день с медитации. Как полагалось по учению «Лю-гай мэнь», он боролся с трудностями и преодолевал опасности, тем самым укреплял и возвышал свой дух. Следуя указаниям жрецов синто, он часами стоял под ледяным водопадом, совершал восхождения к горным вершинам, зажигал особые костры-гома, учился правильно дышать, то есть обретал единение с духами воды, гор, огня и воздуха.

Такамори перевел дух, смочил горло можжевельным чаем. А тишина вокруг стояла, конечно, поразительная. Особенно поражала она того, кто привык засыпать под аккомпанемент городских шумов, в квартире, окна которой выходят на улицу с трамвайной линией.

Такамори поставил опустевшую чашку на циновку:

– Не один год Энно Одзуну прожил в пещере в горах, прежде чем отыскал ключ, открывший для него врата в Истинное Знание. Ведь известно, что Истина схожа с неприступным замком – она так же огорожена высокой стеной, подступы к которой еще и преграждает ров с холодной и грязной водою. Если не отыскал ключ от ворот, можешь никогда не попасть внутрь замка. Ключом для Энно Одзуну стала начальная истина, которую Учитель впоследствии сделал первой заповедью своего учения. Вот она: «Боги любят, когда о них не забывают. Боги, от которых отказываются, умирают». Это означает, что не следует выбирать между богами и учениями, а следует все их принять и все их постичь. Всем хватит места под солнцем и луной: и богам, и духам, и людям. Все в чем-то правы, из каждого учения можно извлечь бесценное зерно и использовать его для себя, использовать для того, чтобы самому обрести могущество в этой жизни. Энно Одзуну так и назвал свое учение «Путь обретения могущества».

В один из дней он спустился к людям и поведал им обо всем, что открылось ему среди гор и под шум водопада. Он сказал им: «Не бойтесь жизни. Выжить можно везде, даже в аду, если тот существует. Учитесь выживать. Научившись, вы навсегда забудете слово „страх“. И на шаг приблизитесь к могуществу». Он сказал им: «Верь небу, оно – твои глаза. Верь воде – это твои силы. Верь ветру – это твоя тревога. Верь ночи – это твоя тайна. Верь огню, он – твое спасение. Все вещи вокруг тебя – твои друзья, доверься им, и они помогут обрести тебе могущество». Энно Одзуну сказал людям: «Уподобься бабочке в умении приспосабливаться к миру. Уподобься пруту в своем упорстве – пусть тебя гнут, а ты разгибайся. Уподобься

деревьям в их невозмутимости. Уподобь свои мышцы камню, а ум уподобь текучести воды». Он сказал им: «Храм – не место, где слушают кого-то и собирают подаяния. Храм – место, где слушают себя, где разум чувствует покой, где он очищается и устремляется навстречу вечности». Он сказал: «Ставьте храмы в горах, потому что чем выше, тем чище». Он говорил людям: «Уже в этой жизни вы можете обрести могущество и стать буддой. И я покажу вам путь». Так Энно Одзуну говорил с людьми. А когда Учитель покинул их, с ним отправилось множество поверивших ему. Они и построили первый храм в лесах на склоне горы, недалеко от пещеры Учителя.

Омицу поднялась со своего места и подбросила в костер сухого валежника. Огонь жадно вспыхнул, заставив Артема отшатнуться от жара. Такамори посмотрел на Омицу, одобрительно кивнул и продолжил рассказ:

– Побывав в горах у Энно Одзуну, люди возвращались домой просветленными и преобразенными. А те, кто уходил в горы больным, возвращались домой исцеленными. По Островам быстро разнеслась молва об Учителе и его Знании, открывающем Истину, дающем настоящую Силу, исцеляющем недуги. Многие, следуя примеру Учителя, уходили в горы, становились отшельниками, строили храмы в лесах и горах. Люди стали называть их «горными мудрецами». Люди заговорили о том, что Горный Отшельник при жизни достиг высшего совершенства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.